

Детектив & Путешествие

ЛАВ-ТУР на БОРА-БОРА

ЮЛИЯ
АЛЕЙНИКОВА

Детектив-Путешествие

Юлия Алейникова

Лав-тур на Бора-Бора

«ЭКСМО»

2012

Алейникова Ю. В.

Лав-тур на Бора-Бора / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2012 — (Детектив-Путешествие)

Пальмы, белоснежный песочек, ярко-голубая лагуна, ласковые волны прибоя – настоящий тропический рай... Огромная яхта, на которой отдыхает компания беззаботных и финансово обеспеченных людей... И труп, прибитый теплой прозрачной волной к ногам Юлии Ползуновой, приехавшей расслабиться и отвлечься от насыщенной приключениями жизни в мегаполисе. В ее интереснейшем положении ни в коем случае нельзя так нервничать, но где тут уберечься от волнений, когда горячо любимого супруга Василия официальные власти острова Бора-Бора обвиняют в убийстве его первой жены Ирмы. Той самой, чье роскошное тело нашла Юлия. Опять вместо роскошного отдыха ей придется спасти жизнь и репутацию мужа...

© Алейникова Ю. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	32
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юлия Алейникова

Лав-тур на Бора-Бора

Глава 1

«Любите ли вы Бора-Бора? Я спрашиваю, любите ли вы Бора-Бора так, как люблю его я? Нет? Значит, вы просто никогда там не были».

Юлину любовь к этому острову не смогло убить даже то, что прямо к ее ногам слабая волна прибила труп Ирмы.

Но лучше начнем по порядку. Бора-Бора – райский остров в составе Французской Полинезии. Рай в раю, так называют его иногда знатоки куш. Белый песочек, коралловые рифы, бирюзово прозрачные воды лагуны, заполненные всякой экзотической живностью, полное отсутствие акул, никаких штормов, лишь легкий, нежный бриз, ровная, максимально комфортная температура воздуха, высококлассный сервис, респектабельность, безопасность. Все это, вместе взятое, и повлияло на Василия при выборе курорта. Отправить находящуюся на четвертом месяце беременности жену в менее тихое и безопасное место, особенно учитывая ее талант находить приключения себе на голову, он просто не мог.

Прибыла Юля в этот рай земной три недели назад с Вероникой. У дочери выдалась свободная неделя, и она согласилась составить Юле компанию.

На Бора-Бора, конечно, чудо как хорошо, но лететь сюда надо с пересадкой почти сутки, а Юля уже давно не девочка, а сорокалетняя мать двоих взрослых детей, к тому же беременная.

Когда на ее супруга, сорокашестилетнего бизнесмена Василия Никаноровича Ползунова, обрушилась радостная весть о прибавлении семейства, они только что еле унесли ноги из Камбоджи. И не потому, что страна плохая, а просто они с Василием, куда ни приедут, во что-нибудь да вляпаются. Так вот, Юлин супруг на радостях напоил за свой счет весь лайнер, и хотя пассажиры бизнес-класса компании Air France отличались снобизмом и восприняли выходку русского олигарха весьма скептически, но и они после третьей бутылки «Dom Perignon» прониклись к будущему отцу искренней симпатией.

У Василия уже были двое детей от первого брака, но после ряда печальных событий, произошедших два года назад, о которых в семье никогда не вспоминают, Василий прекратил с ними всяческие отношения. Поэтому перспектива скорого отцовства произвела на него невероятно сильное, прямо-таки опьяняющее впечатление.

Любое совещание в Васиной фирме хитрые сотрудники начинали с обсуждения проблем деторождения, родильных домов, воспитания, самочувствия будущей мамы, чем обеспечивали максимальное благодушие своего начальника и страховали себя от вздрючек и головомоек. О предстоящем событии Ползунов оповестил всех и каждого, начиная от близких друзей и родственников и заканчивая соседскими котами и собаками. Юля лично наблюдала, как Василий, почесывая за ухом соседского пса, доверительно делился с ним своими волнениями по поводу предстоящего события. Поначалу она пыталась как-то тормозить это набирающее обороты безумие, но потом махнула рукой и смирилась, стараясь пореже подходить к телефону, дабы избежать безостановочного потока поздравлений от почти незнакомых ей, но заинтересованных в муже людей.

Лично Юлю больше всего волновало, как воспримут это известие ее взрослые дети. Веронике уже исполнилось девятнадцать, и она фактически живет своей жизнью, учится в Англии, видятся они лишь по праздникам да на каникулах. Денису семнадцать, и скоро он тоже покинет родной дом, отправившись на туманный Альбион.

Поэтому, когда они с Василием сидели в гостиной на диване, крепко держась за руки и ожидая реакции сына на радостное известие, Юлино сердце тревожно трепетало. Но Дениска не подвел.

– Слава богу! А то я волновался, как вы тут без меня вдвоем останетесь. А так я спокоен. Вам развлечений хватит! – обрадовался сын.

Вероника тоже восприняла это известие с энтузиазмом, главное, что ее волновало, кто родится. В какой гамме лучше оформить детскую? Через неделю от нее пришла посылка с эксклюзивными игрушками. Еще через три дня Вероника прислала серебряную погремушку восемнадцатого века, которую приобрела за бешеные деньги на каком-то аукционе, дальше последовали распашонки, вышитые вручную, постельное белье с кружевами, сплетенными монахинями в каком-то монастыре, и прочие совершенно ненужные, на Юлин взгляд, и несуразно дорогие вещи.

Василий немедленно заразился этой вредной манией и тоже начал таскать в дом все подряд, лишь бы подороже. Но в отличие от Вероники он тонкостью вкуса не отличался. Поэтому в доме поселились огромных размеров медведи, игрушечные лошадки чуть не в натуральную величину, детские столовые приборы, инкрустированные драгоценными камнями, царапучие, неудобные, тяжелые, с помощью которых ни одна нормальная мать своего ребенка кормить не станет, и прочие ужасы, созданные для выкачивания денег из кошельков не в меру чадолюбивых родителей. В итоге спустя пару месяцев ползуновского безумия Юля с мамой погрузили большую часть его приобретений в нанятое специально для этой цели такси и отвезли игрушки в дом малютки, а кошмарную лошадь и гигантских плюшевых медведей отдали в соседний детский сад. Василий их демарша даже не заметил.

После этого Юля твердо запретила всяческие покупки, решив, что сама в состоянии приобрести все необходимое для ребенка.

Но весь этот нездоровый мандраж порядком ее вымотал, и Василий согласился с семейным доктором, что жене не повредит смена обстановки, солнце, покой, море. А главное – никаких покупок, подарков и поздравлений. На этом Юля настаивала особо.

И вот она на Бора-Бора.

Ехать сюда на неделю не стоит: перелет вынет из вас всю душу. Юле еще повезло, что она летела сразу из Франции, а то бы еще четыре часа к дороге прибавить пришлось.

От Парижа до Лос-Анджелеса они с Вероникой добрались за двенадцать часов чистого времени, а прибавьте к этому регистрацию, паспортный и таможенный контроль, и вы поймете, почем фунт лиха. Кресла в салоне «Боинга» трансформировались в довольно комфортные спальные места, у каждого пассажира был собственный Интернет и телевизор, кормили на убой – тем не менее, на Юлин вкус, двенадцать часов в замкнутом гудящем пространстве, да и еще высоко над океаном – это чересчур. Из Владивостока лететь было бы ближе. Интересно, есть оттуда рейсы до Таити?

Так вот. Спасибо Василию, он устроил путешествие так, что они с Вероникой три дня отдыхали в Штатах, а только потом перебрались на Таити. Пребывание в Лос-Анджелесе ознаменовалось посещением Родео-Драйв, Вероника оторвалась в магазинах по полной, а вот Юля быстро капитулировала в отель. Ограничившись прогулкой по Аллее славы и визитом на студию «Юниверсал», от остальных предложений неугомонного ребенка она отказалась.

После столь интенсивной программы девятичасовой перелет на Таити показался будущей матери праздником, она просто лежала в своем кресле и наслаждалась бездействием. К счастью, от Таити до Бора-Бора было всего сорок минут лету, для Юли это было уже не состояние. Хотя в следующий раз, когда Василию вздумается отправить ее на отдых, Юля все-таки поинтересуется маршрутом, она же не Филиас Фог, и «восемьдесят дней вокруг света» для нее аттракцион слишком утомительный.

Но все когда-нибудь заканчивается. Их с Никой путешествие закончилось в маленьком уютном бунгало отеля Hilton Bora Bora Nui Resort and Spa, метрах в ста тридцати от берега, стоящем на сваях посреди живописной лагуны.

Очутившись в своем номере, дамы едва дождались, пока приветливые хозяева отеля отойдут подальше от бунгало, и издали победный вопль ирокезов, а потом, взявшись за руки, проскакали галопом по всему дому. Юля радовалась как ребенок.

Представьте себе: от берега отходят деревянные мостки на сваях, и с обеих сторон мостков приютились крытые тростником хижины. Юля с дочерью поселились в самом конце этой улочки, куда ни кинь взгляд, перед ними открывался вид на лагуну. Из спальни и гостиной раздвижные двери вели на террасу, огромное окно ванной комнаты смотрело на вулкан, вздымавшийся в небо на другой стороне лагуны. На террасе стояли столик и несколько плетеных кресел, кадки с пальмой и цветущими кустиками, с террасы вниз вели ступеньки на небольшую деревянную платформу. Она находилась почти на уровне водной глади, и для большего удобства купающихся с нее прямо в воду спускалась небольшая лесенка.

В самом бунгало прямо в полу были сделаны окошки, которые ночью подсвечивались, давая возможность жильцам любоваться богатым водным миром Французской Полинезии. Огромная ванная, отделанная розовым итальянским мрамором, гостиная и спальня, декорированные в традиционном полинезийском стиле, индонезийская мебель красного дерева, легкие натуральные ткани, цветочные композиции, украшающие комнаты, белая обивка диванов и кресел отлично гармонировали с открывающимся за окном видом на лагуну и покрытыми тропической зеленью берегами Бора-Бора.

– Восхитительно!

– Невероятно!

– Чудесно!

– Классно! Ай да Васик! Знаешь, мам, я, пожалуй, задержусь здесь с тобой еще на недельку! – счастливо промурлыкала Вероника, стоя рядом с Юлей в дверях гостиной и глядя на окружающую их красоту.

– На здоровье. Василий все равно раньше чем через две недели не придет.

И они с дочерью провели две прекраснейшие недели, наполненные солнцем, морем, вечерними прогулками по пляжу, расслабляющими массажами и ваннами из кокосового молока в SPA–отеле. Вероника наслаждалась дайвингом, а Юля иногда отваживалась плавать с обычной маской, опасаясь, что заплывы с аквалангом неблагоприятно скажутся на здоровье будущего ребенка. Они катались на катамаранах и скутерах, слушали выступления национальных оркестров, ездили смотреть выступление местного национального балета, организованного бывшим хореографом «Лидо». Возможно, для Вероники такой отдых был несколько пресноват: ни тебе ночных дискотек, ни шумных вечеринок на пляже, но таков уж Бора-Бора – покой и респектабельность.

Лично Юля была совершенно счастлива, о таком отдыхе она и мечтала. Две недели пролетели как одно мгновение, и на смену Веронике явился Василий, следом за ним к тихим берегам принесло яхту его приятеля Игоря Шульмана с компанией, а уж потом к Юлиным ногам волны Тихого океана прибили труп жены Игоря.

Глава 2

Дело было неизвестно в какой день недели, потому что на Бора-Бора часов и уж тем более дней как-то не наблюдаешь. Время шло к обеду, Юля одиноко сидела на своем плавучем мостике, свесив ноги в воду, и любовалась рыбками, играющими в прозрачной глубине. Василий с Шульманом и его гостями отправился на рыбалку. Вернее, поехали только мужчины. Дамы разбрелись кто куда. Лично Юля предпочла провести время в полном одиночестве – шумная компания, обрушившаяся на них с мужем, уже порядком ее утомила. А может, она просто одичала, пока сидела здесь две недели в компании дочери.

На огромной, по Юлиным меркам, яхте Игоря обретались его жена (ныне покойная) Ирма, его мама, Ирина Яковлевна, дочь от первого брака Инна с женихом Семой, приятели семьи Сомовы – муж с женой, супруги Веселовы и господа Крюгеры, Элла и Ганс. И конечно же команда: капитан, три матроса, два стюарда, две горничные и повар. Но эти вели себя тихо и жить не мешали.

Милое общество свалилось на Ползуновых дней пять назад и сразу взяло в оборот. Прибыв на остров, мореплаватели бросили якорь в непосредственной близости от отеля и бурно отпраздновали прибытие. С музыкой, танцами и фейерверком. Гулянье длилось до пяти утра, и к тому моменту, когда Юля добралась до возжеленной постели, голова ее гудела, в глазах вспыхивали ракеты праздничного салюта, а в ушах стоял неумолчный гул.

А уже в двенадцать часов утра прибыл Шульман собственной персоной и буквально насильно потащил на экскурсию вокруг острова. Василию подобное времяпрепровождение ужасно нравилось, а Юле просто не удавалось отбиться от назойливой оравы.

И вот когда ей удалось улизнуть от компании и предаться тихому созерцанию окружающей красоты, у Юлиных ног всплыла упругая загорелая задница Ирмы в стрингах, которые она смело величала купальником.

Некоторое время Юля сидела в задумчивости, привычно поглаживая свой слегка округлившийся животик, и пыталась убедить себя в том, что представшее перед ней зрелище лишь кошмарный мираж – следствие длительного пребывания на солнце. Но потом чувства возобладали над разумом, и ее истошный, полный ужаса и паники вопль разнесся над бирюзовой гладью океана километра на три. Топот ног и плеск воды возвестили о том, что Юлин зов услышан. Персонал, отдыхающие, проходящие и проплывающие мимо, устремились на крик, как мухи на запах тухлого мяса. Горничная и массажист прибыли первыми. Схватив будущую мать в охапку, они попытались утащить ее с мостков, совершенно не обращая внимания на Ирму. Юля брыкалась, они наседали, и лишь нанесенный ею массажисту в запретную зону решительный удар заставил наконец обоих прийти в чувство. И вовремя: отдыхающие были на подходе. Горничная сорвала с себя форменный крахмальный халат и бросила его в воду, прикрыв плавающее у мостков тело, чем продемонстрировала высокую преданность отелю. Бедняжка осталась в одних трусиках. Массажист ожил, утер слезы и энергичными жестами стал отгонять стекающихся со всех сторон зрителей. Горничная, замотавшись в лежавшее на лежаке полотенце, уже сигнализировала начальству об обрушившейся на отель катастрофе.

Неизвестно, на кого происшествие произвело более тяжелое впечатление, на Юлю или на администрацию отеля, в котором за девять лет существования не случилось ничего подобного. Во всяком случае, врач, которого прислали в целях профилактики, явно нуждался в помощи гораздо больше Юли.

Труп Ирмы был выловлен и стремительно доставлен в здание администрации, причем весьма экзотическим способом. Дабы скрыть от остальных постояльцев порочащее отель происшествие, управляющий совершенно бесцеремонно схватил с шезлонга очередное Юлино полотенце, накинул на голову трупа. Двое мощных официантов подхватили тело под мышки и

поставили его вертикально, остальные сотрудники плотно сомкнули вокруг них свои ряды, и процессия бодрым маршевым шагом двинулась к берегу. Со стороны казалось, что служащие отеля провожают очень важного гостя в SPA.

Известие о том, что Ирма не была гостем отеля, заметно подняло настроение управляющего, и он принял на себя хлопоты по поискам мужа погибшей и лично известил его о печальном происшествии.

Юля засела в бунгало и никакого участия в дальнейшем развитии событий не принимала. Через час нагло всему с аппетитом пообедала в гостиничном ресторане, заказав шеврет (традиционное блюдо из креветок) и пое (пудинг из корней таро с бананами, папайей и ванилью), а потом отправилась в SPA-салон соседнего отеля и, собрав волю в кулак, провела там с пользой остаток дня. Ирму она почти не знала, особой симпатии к ней не испытывала. К тому же ей, как женщине беременной, лишние стрессы ни к чему: Юля даже рассматривала возможность переезда в другой отель на противоположной стороне острова. К себе она вернулась только к вечеру, предпочтя отужинать в ресторане отеля Lagoon Resort.

Глава 3

Василий метался по номеру.

– Где тебя носило? – вопил он, заламывая руки. – Я весь день тебе трезвоню! Зачем надо было телефон отключать? В конце концов, это просто хамство по отношению к Шульману! Ты даже не выразила ему соболезнования! Ведь это ты ее нашла! Я извелся весь! Ты же беременная, тебе стрессы противопоказаны! – орал Ползунов, не испытывая никакого дискомфорта от своих противоречивых заявлений.

Юля, лежа на кровати, листала журнал. Когда поток его негодования иссяк, супруга отложила глянцевого издания и, сузив в щелочку свои прекрасные, зеленые глаза, ядовито прошипела:

– Кто притащил сюда эту банду? Кто уже пять дней не дает мне покоя? У меня нарушен сон, нормальное питание, я вынуждена целыми днями терпеть малознакомых людей, делая над собой постоянные усилия, чтобы улыбаться их плоским шуткам, принимать участие в их примитивных развлечениях, делать то, что мне не нравится, и, наконец, под занавес, мне еще подкидывают труп! Если я еще раз услышу, что я должна куда-то идти, кого-то развлекать, кому-то соболезновать, я тут же собираю вещи, возвращаюсь домой и подаю на развод! И чтобы духу их в моем бунгало не было! А ты, мой дорогой, можешь отправляться на яхту, там как раз место освободилось! – в заключение этой пламенной речи Юля взяла с прикроватного столика блюдо с фруктами и запустила в Ползунова, все-таки беременной женщине многое простительно.

Получив по лбу спелым манго, а в грудь деревянным резным блюдом, Василий сразу присмирел, тихо стер с лысины папайю и жалобно проскулил:

– Я же думал, они тебе нравятся, тебе с ними весело.

– С чего это ты сделал такие смелые выводы? – тоном прокурора спросила жена.

Василий лишь растерянно развел руками.

– Больше я на яхту ни ногой. Сам с ними разбирайся, а меня увольте. Я завтра в «Лагунариум» поеду, на целый день.

– Куда? – не понял Василий.

– Важно не куда, а с кем, – сухо ответила ему Юля.

– А с кем? – тут же заволновался муж.

– Ни с кем. В этом-то все счастье. А ты можешь нести свои соболезнования. Хотя мне кажется, поздравления в данном случае будут уместнее.

– Почему это? – окончательно запутался Василий.

– Потому что, на мой взгляд, все семейство Шульманов Ирму терпеть не могло и сейчас своему счастью поверить не может.

– Не говори глупостей, – строго перебил ее супруг. – Человек погиб, а ты юродствуешь.

В полемику Юля вступать не стала, и каждый остался при своем мнении.

Весь следующий день она провела в Ваитапе, самом большом городе Бора-Бора. Недалеко от него в юго-западной части лагуны раскинулся «Коралловый сад», или «Лагунариум» – удивительный естественный подводный парк, где обитают практически все виды местных рыб, в том числе почти ручные скаты, мурены и акулы. Только представьте себе, их можно совершенно спокойно кормить с рук!

Все шло чудесно. Рыбки плескались, брали с рук корм, царили мир, покой, умиротворение. Но вот метрах в двадцати показалась стайка дельфинов. Толстая тетка справа от Юли восторженно взвизгнула и вскочила на ноги, тыча пухлой, дряблой рукой в блестящие на солнце спины. Весила мадам килограммов сто пятьдесят. Несмотря на вес, движения ее были стре-

мительны, габариты восторженной особы лишь придали им мощи. Легкая пирога, на которой группа туристов путешествовала по лагуне, заходила ходуном.

– А еще здесь обитает большая популяция дельфинов, – как-то запоздало проговорил наш гид.

После этой судьбоносной фразы пирога перевернулась. Юле помог инстинкт самосохранения. Когда катастрофа была неизбежна, она с силой оттолкнулась от борта и оказалась в воде примерно в метре от перевернувшейся посуды. Некоторые менее сметливые пассажиры оказались под ней.

Большинство экскурсантов восприняли происшествие с юмором. Вода теплая, море тихое, плавать все умеют. Никто не тонет. С шутками и прибаутками народ плывал вокруг пироги. Виновница происшествия, красная от смущения, приносила всем подряд извинения. Молодой парнишка снимал все на камеру, каким-то чудом не пострадавшую при падении в воду. Будет что знакомым показать! Он-то первый и поднял тревогу. Когда в его объективе показался зловещий треугольный плавник, он на секунду замер, прервав свой комментарий, а потом заголосил не хуже деревенской бабы, которой соседская корова вытоптала огород.

Милые, добродушные лица, только что обсуждавшие маленькое забавное приключение, побледнели и перекошились от неподдельного страха. Все тут же вспомнили, кого так усердно прикармливали, сидя в лодке.

Паника охватила умы, превращая цивилизованных людей в перепуганных насмерть неандертальцев, борющихся за выживание. Народ бросился штурмовать перевернутую лодку, яростно отпихивая друг друга. Мадам, устроившая эту заварушку, рванула к лодке в первых рядах. Но не тут-то было.

Спортивного сложения господин в шортах и красной майке, проревев «Ну, уж нет!», схватил ее за блузку и сбросил в воду. Едва она всплыла, какая-то девица беспардонно наступила ей на голову, карабкаясь на перевернутую лодку. Не помогло. Лодка ходила ходуном. Туристы атаковали ее со всех сторон, она качалась, они соскальзывали. Лезть в эту свалку было бессмысленно.

Едва завидев плавник, Юля тут же похолодела, перестала дергаться и начала судорожно соображать, что знает об акулах.

Нападения на спокойных людей не так уж часты. Чаше на серферов, которые дрыгают ногами, напоминая акуле крупную рыбу. Сама Юля не двигается, уже хорошо. А остальные? Юля взглянула на облепленную страждущими лодку: плещутся, как косяк селетки. Там добычи больше, выглядит она аппетитнее. О том, что акулы мирные, почти ручные, как-то не думалось. Лев в зоопарке тоже мирный. Пока сидит за решеткой.

Народ визжал и дрался за место под солнцем. У толстухи уже красовалось по яркому синяку под каждым глазом. То ли это был результат неловкости окружающих, то ли расчетливая месть – понять было трудно. Внимательно осмотревшись, Юля потихоньку стала отплывать, бдительно следя за акваторией. Неизвестно, сколько акул было в лагуне, но создалось впечатление, что все они сейчас слетелись к перевернутой пироге. Вслед за ними поспешали находившиеся поблизости лодки, но с явным отставанием в скорости. Оценив ситуацию, Юля перевернулась на живот и, стараясь производить минимум движений, устремила к ближайшей из них. Больше никому из пострадавших это в голову не пришло. Когда всех выловили, доставили на берег и пересчитали, врач вызванной «неотложки» осмотрел выживших. Выжили вроде бы все. У виновницы произошедшего были обнаружены множественные ушибы, синяки и небольшое сотрясение. Остальные отделались легче. Ни укусов, ни порезов, ни объединенных конечностей не оказалось. Приняв из рук медсестры пластиковый стаканчик с сердечными каплями, Юля опрокинула его в себя и отбыла восвояси. Василию о сегодняшнем приключении лучше не рассказывать.

Насладившись общением с природой, она плотно пообедала в Le Matira, этот симпатичный ресторан на берегу ей посоветовали в отеле. Съев утку в вишневом соусе и бананово-шоколадный торт, она горько пожалела о запрете на спиртное – рюмка коньяку была бы кстати. Полюбовалась видом искрящейся на солнце лагуны и отправилась бродить по магазинам. Когда Юля возвращалась, ее шею украшал чудесный кулон с черным жемчугом, которым так славится Бора-Бора.

К моменту возвращения домой было уже темно, свет в бунгало не горел. Поэтому, включив иллюминацию и увидев неподвижно сидящего на диване мужа, Юля вскрикнула от неожиданности. Он даже не пошевелился. Перед Василием стояла едва початая бутылка коньяка и полный бокал, который он сверлил тяжелым, неподвижным взглядом.

– Что случилось? – Каждая клеточка Юлиного организма напряглась, сердце стало биться гулкими, редкими ударами.

В такое состояние его могло привести только серьезное несчастье.

– Дети? – выдохнула она, Василий покачал головой. – Родители? – Снова вялое покачивание. Тьфу ты. Юля с облегчением выдохнула.

Но Василий тем не менее сидел такой же понурый.

– Что случилось? – спросила супруга уже другим, мягким, спокойным голосом.

– Ирму убили, – не разжимая губ, процедил Ползунов.

– Экая новость, – усмехнулась Юля, мгновенно расслабившись и любуясь кулоном.

– Сегодня приезжала полиция, или жандармерия, фиг их знает, как они тут называются, всех допрашивали.

– Ну и что?

– Раньше думали, что она ударилась головой, когда слезала с плавательной платформы в воду, потеряла сознание и захлебнулась. Но теперь оказывается, ее ударили по голове специально чем-то тяжелым.

– Надо же, – проявила Юля умеренный интерес, – а ты-то что расстраиваешься?

– Я тоже подозреваемый. И кажется, единственный.

– Не говори ерунды. Когда бы ты мог ее убить? А главное, зачем? Ты Ирму едва знал. – Юля выразительно постучала мужу по лбу.

– Не совсем. – Как-то напряженно ответил муженек.

– Что значит «не совсем»? – Почувствовала Юля недоброе.

– Ирка была моей третьей женой.

Глава 4

– Кто? – автоматически спросила Юля, пытаясь переварить услышанное.

– Ирма. На самом деле ее Иркой зовут, а уж в Ирму она для понту переименовалась, когда после свадьбы паспорт меняла.

В гостиной повисла тяжелая пауза.

Наконец дар речи к Юле вернулся.

– Давай разберемся. Последние шесть дней я проводила время в компании полуголой распущенной девицы, терпела ее общество, улыбалась, смотрела, как она строит тебе глазки, и ты даже не удосужился мне сказать, что она была твоей женой?

– Да чушь это все, – отмахнулся Василий, но глазки его пугливо забегали из стороны в сторону. – Это было шесть лет назад. Да и никакой это был не брак, она просто палила мои бабки и жила в моей квартире, всего-то восемь месяцев. А потом мы развелись. И она вышла замуж за Шульмана.

– Так сразу и вышла?

– Ну, да. То есть нет. То есть не помню. Вроде не сразу. Не знаю я. Но как-то довольно быстро. – Василий явно не мог решить, что лучше – или попозже.

– Гм, – кивнула Юля. – Значит, если к нам в гости приедет мой дальний родственник, молодой, подтянутый, с пышной шевелюрой, – она взглянула на ползуновскую лысину, – поживет у нас недельку-другую, походит со мной по театрам и ресторанам, а после его отбытия я сообщу, что это мой бывший муженек был, ты возражать не будешь? – с приятной улыбкой взглянула она в глаза Василию.

– Какой еще муженек? – сразу подобрался он. – Никаких мужиков в нашем доме! Ни старых, ни молодых! – обрел удивительную живость еще недавно вялый и пришибленный Ползунов.

– Что, не нравится? Так вот. Еще одна бывшая супруга на горизонте – и ты очень крупно об этом пожалеешь, – сверкнула Юля глазами. – А сейчас ты сядешь и в письменном виде изложишь, когда и на ком был женат, имена, фамилии, даты. Где они сейчас, за кем замужем. И только попробуй что-нибудь забыть!

– Юль, ну ты что, совсем спятила? На кой все это надо? – Но взглянув ей в лицо, заткнулся и поплелся к письменному столу.

– А теперь давай по порядку, – скомандовала Юля, внимательно прочитав исписанный мужем листок и убрав его в сейф. – С чего ты решил, что стал главным подозреваемым? И вообще, как это все случилось?

Только сейчас до Юли дошло, что она понятия не имеет, когда, где и как умерла Ирма. Беременность здорово притупляет мыслительный процесс, к тому же включаются тормозящие функции организма, защищающие будущую мать от возможных стрессов. Оно, конечно, и к лучшему, но сейчас придется поднапрячься.

– Она умерла, когда мы уплыли на рыбалку. А если точнее, то жандарм, который нас допрашивал, считает, что это произошло в промежутке между половиной двенадцатого и часом.

– Хорошо. Но почему подозревают тебя? Ты же был со всеми на рыбалке. Или не был? – В свете последних известий в Юле проснулась нездоровая подозрительность.

– Был. Но когда все уже сели в катер, я вспомнил, что оставил мобильник на палубе, и вернулся на яхту. Меня не было минут семь – телефон завалился за диванные подушки, еле нашел. Но этот гад французский считает, что за это время я мог спуститься к Ирме на платформу, ткнуть ее по башке и как ни в чем не бывало вернуться на катер.

– А что, она уже была мертва, когда вы уплывали?

– Никто не знает. Она пошла вниз, когда мы еще были на палубе, как раз катер подошел. Сперва она удалилась, а потом мы стали спускаться.

– Хорошо. Ну а где были остальные?

– Не знаю. Ленка с Татьяной, по-моему, еще раньше куда-то ушли. Инка с Семкой вроде на яхте оставались. Не знаю, не спрашивал. Мне как-то все равно было. Кто же тогда думал, что алиби понадобится.

– Ладно. Успокойся. Завтра вместе отправимся на яхту, и я попробую ненавязчиво выяснить, кто где был. Поскольку, если ты не убивал, значит, убил кто-то другой, надо только выяснить, у кого был мотив и возможность, и сообщить в жандармерию. И всего делов, – бодро закончила Юля, сладко зевая и мечтая поскорее отправиться в кроватку, баиньки.

– И всего делов, – тихо вздохнул Василий, когда она выходила из комнаты.

Глава 5

На следующий день, одевшись соответственно случаю в черный купальник и черно-белое парео, Юлия отправилась на яхту. Было уже начало первого, так что можно было смело надеяться, что большая часть ее жильцов уже проснулась.

Так оно и было.

В салоне за поздним завтраком с кислыми лицами собрались все обитатели яхты. Тяжелое молчание изредка нарушали лишь вопросы официанта.

– Еще кофе, сэр?

– Омлет, мадам?

Аппетит не покинул только Ирину Яковлевну, но эта дама была способна стоически пережить даже глобальную катастрофу, а не только смерть очередной невестки. В глазах собравшихся отражалось тоскливое желание поскорее покинуть яхту и понимание полной невозможности сделать это.

Гостей тут явно не ждали. Но выбора у Юли не было, надо выручать Василия из очередной переделки. Поразмыслив пару минут, она малодушно поднялась на флайбридж, решив там дожидаться окончания трапезы. Флайбридж – это площадка на крыше яхты, где хорошо загорать, откуда открывается прекрасный вид на окрестности, если таковые имеются. В обычное время Юлю пригласили бы за стол, но сегодня ее вторжение и так выглядело по меньшей мере бестактно. Хватило с нее и недоуменного взгляда матроса, когда она поднималась на борт.

Минут через десять народ стал выходить из салона, и Юлия, собрав волю в кулак, спустилась вниз принести соболезнования Игорю.

– Спасибо, – сдержанно ответил вдовец, пожимая Юлины протянутые вялые руки. – Кажется, это вы ее нашли?

– Да. Ужасно сожалею. Мы можем чем-то помочь?

– Нет. Благодарю, – чопорно, в не свойственной ему манере ответил Шульман. – Если вы сочтете нужным попрощаться с ней... Я имею в виду похороны.

– Конечно! А когда они состоятся?

– Пока не ясно, у жандармов появились какие-то вопросы, – неопределенно пожал плечами Игорь.

Значит, Василий прав, шутки кончились. Сказав еще пару слов утешения и отпустив Шульмана восвояси, Юля огляделась, выбирая себе подходящий источник информации. У заднего борта тихо переговаривались Веселовы. Сделав вид, что задумалась о своем, она взяла со стола чей-то стакан сока и не спеша двинулась к ним.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду прогуляюсь. Не могу здесь находиться, атмосфера просто гнетет, – жалобно шептала мужу Татьяна.

– Да я и сам рад бы куда-нибудь сбежать, да неудобно Игоря одного оставлять, – ответил Максим. – Пойду пока к себе, а ты иди развейся, за обедом увидимся.

Веселов ретировался так быстро, что Юля не успела ничего предпринять. Татьяна, кивнув мужу, чуть не бегом бросилась на берег.

Инну с Семеном вообще удалось увидеть лишь мельком. Эти двое после завтрака сразу подались к себе. Что ж, их можно понять. Сомов беседовал на корме с Гансом о том, куда им сегодня отправиться понырять. Вряд ли они захотели бы поделиться с малознакомой, но сильно озабоченной женой приятеля сокровенным.

На противоположном борту мелькнул цветастый сарафан Елены Сомовой. Жутко обрадовавшись, потому что Лена была глуповатой, недалекой болтушкой, Юлия припустила за ней. Но пока она петляла по салону, девица скрылась в недрах нижней палубы. Махнув рукой на приличия, Юля устремилась следом. Но, проходя мимо хозяйской спальни, притормозила. Из-

за неплотно прикрытой двери доносились довольно странные звуки. Юлия решила, что коли взялась за дело, не стоит пренебрегать ничем ради достижения цели. А цель у нее благородная – спасти Василия. И она, тихонько приоткрыв дверь, заглянула внутрь. Шульман сидел спиной к двери и играл на компьютере в стрелялку, рядом с ним стояло большое блюдо с пирожками и кексами, кофейник и чашка. Он с аппетитом закусывал, полностью поглощенный игрой. Ай да безутешный вдовец!

Юля тихонько прикрыла дверь.

Итак, мужчины как источник информации отпадали. Значит, надо искать женщину. И она нашлась. С книгой под мышкой на верхнюю палубу поднималась Элла Крюгер. Русская, вышедшая замуж за немца, постоянно проживает в Германии, кажется, в Мюнхене. Есть ребенок, мальчик. Вот, пожалуй, и все, что Юлии было известно об этой женщине. Поднявшись следом, она скромно присела на лежак рядом с госпожой Крюгер.

Из всей компании Элла нравилась Юле больше всего. Ей было около тридцати пяти лет, она была умной, энергичной, веселой и спокойной. Она не визжала, как Лена, не кривлялась, как Ирма, не ехидничала, как Татьяна, не тупила, как Инна. У нее был свой бизнес, и Элла единственная из присутствующих дам, не считая Ирины Яковлевны, была совершенно самостоятельной, не зависящей от мужа личностью. В общем, она была умной, самодостаточной, зрелой личностью, и этим вызывала симпатию.

Дамы помолчали некоторое время, пока Юля не решилась приступить к интересующей ее теме.

– Слушай, я тут в прострации эти два дня провела, не расскажешь, что у вас творится? Я смотрю, Игорь молодцом держится, – запустила мадам Ползунова пробный шар.

Элла взглянула на собеседницу, насмешливо сощутив серые, слегка подкрашенные глаза.

– А ты ожидала, что он убиваться будет?

– Нет. Но все же жену убили... – Юля замолкла на полужестком, сама не зная, чего она ожидала.

– Да брось. Здесь все свои, чего ради ему напрягаться? Они же с Ирмой только и делали, что цапались последнее время. Впрочем, я не так давно их знаю. Может, они всегда так себя вели? Но мне не показалось, что они живут душа в душу, наоборот, видя их вместе, я все время задавалась вопросом: почему они не разведутся? – пожала крепкими плечами Элла, у нее была спортивная, подтянутая фигура.

– Действительно?

Юля вспомнила свое знакомство с милым семейством в день их прибытия.

Они с Василием прибыли на яхту поприветствовать путешественников, когда вечеринка по случаю швартовки на Бора-Бора была в разгаре. Музыка играла, народ был слегка навеселе. Игорь хохмил, Ленка Сомова повизгивала от смеха, Татьяна сдержанно улыбалась, а вот Ирма, проходя мимо мужа, с презрительной гримасой очень громко посоветовала ему «перестать строить из себя провинциального клоуна, а то когда он смеется, ей все время кажется, что на яхте живую свинью разделявают». Прозвучало это грубо и вызывающе, и на минуту в салоне воцарилась неловкая пауза. Но Игорь, шлепнув Ирму по заднице, отпустил какую-то шутку, и все расслабилось. Признаться, Юля поразились тогда подобному добродушию и покладистости Шульмана. Из дня в день Ирма продолжала выкидывать подобные коленца, которые не всегда можно было списать на воздействие алкоголя. И Игорь каждый раз отшучивался, не идя на откровенный конфликт, хотя Юля замечала злой блеск в его глазах, когда Ирма в очередной раз, весьма бесцеремонно, прерывала его в своей беспардонной, оскорбительной манере.

– А почему он терпел ее выходки? Она же сидит у него на шее, и еще и кусает руку, которая ее кормит. Точнее, кормила.

– Понятия не имею. Но уж точно не из-за любви. – Элла огляделась, не слышит ли их кто, и, наклонившись к Юле, сообщила: – Игорь спит с Ленкой.

– Да ладно! У нее же муж здесь! – вытаращилась на приятельницу верная жена олигарха Ползунова.

После такой интересной интимной информации дамы перешли на более близкую ступень общения.

– И что с того? Свинья везде грязь найдет, – фыркнула Элла.

– Слушай, но ведь Сомов намного красивее Шульмана, – удивилась Юлия выбору визгливой Леночки, поскольку ее муж был строен, высок и довольно симпатичен. А Игорь роста был среднего, с небольшим пивным животиком, волосатый как обезьяна, ноги у него были толстенные, кривоватые. Коротко говоря, при всей привлекательности характера внешностью он обладал более чем скромной. – А с другой стороны, может, она его за душу полюбила?

– Юль, ну какая душа? – взглянула в глаза наивной дурехе Элла. – Шалава она, и всего делов. Ей что Шульман, что Кульман, что Петров, что Сидоров.

Они снова понимающе переглянулись. Ленку недолюбливали все представительницы слабого пола в этом «дружном» коллективе. Причем без всякого очевидного повода.

Ленка была высокой, около ста семидесяти сантиметров, блондинкой с милым смазливим личиком. Губы Леночки были похожи на большой разрезанный пополам огурец. Интеллигентности лицу этот шедевр пластической хирургии не придавал. Силиконовыми были и груди, а иногда Юлии казалось, что и мозги двадцативосьмилетней девицы тоже были из силикона. Очень уж она тупила. Откуда Юле так точно был известен возраст этой красавицы? Да просто дня три назад все сидели здесь же на яхте, и Ленка при всем честном народе со свойственным ей прямотушием приложила Инну, дочь Шульмана.

Инна была свежая, пухлая девица двадцати двух лет. Невысокая, с небольшой грудью, толстым, низковатым задом, с копной каштановых кудряшек и большими карими глазами. Имелся в наличии жених Семен, который пребывал тут же на яхте с целью более близкого знакомства с будущим тестем.

И жених, и невеста постоянно проживали в Америке. Познакомились они в университете, на медицинском факультете, только Сема учебу уже закончил, а Инне предстояло еще два года грызть гранит науки. Парень партией явно дорожил, считая ее выгодной, к невесте был внимателен, с будущим тестем уважителен, а перед Ириной Яковлевной трепетал в немом восторге. То есть пришелся ко двору.

И вот на днях в жаркое солнечное утро, когда дамы разгуливали в купальниках, а мужчины в плавках, Леночка задержалась возле Инны и, взглянув на нее сверху вниз, обронила весьма обидное, даже оскорбительное замечание.

– Инночка, дорогая, как можно за собой не следить? У тебя уже целлюлит появился! С этим надо срочно бороться. Взгляни на меня, – и Ленка медленно повернулась вокруг себя, демонстрируя собравшимся упругое, загорелое, подкорректированное тело, и вправду лишенное всякого намека на пресловутую «апельсиновую корку». – В нашем возрасте целлюлит просто недопустим, упругость и подтянутость – вот чем отличается молодость и что придает свежесть.

С последним у Лены было напряженно, свежести в ней было не больше, чем в вареной колбасе, пролежавшей весь день на солнце, но Инна об этом явно не подумала. Она залилась густой краской, на глаза навернулись слезы, было видно, что обида душит несчастную девушку, но найтись, что ответить нахалке, Инночка явно не могла. И тут на помощь падчерице пришла Ирма.

Выйдя на середину салона, дабы все присутствующие видели, что и ей нечего стыдиться (причем без помощи пластической хирургии), она сладко прочирикала:

– Ленок, да ты никак на солнце перегрелась. Инна – юная девочка, ей только двадцать два исполнилось, а ты-то в сентябре двадцать девять уже справишь. – И, заметив, что на лице

визави появилось неприкрытое желание вцепиться ей в горло, продолжила: – Так что подтяжки на заднице и силиконовая грудь Инночке еще долго не понадобятся.

Юлия с Эллой насмешливо переглянулись, Татьяна расплылась в довольной улыбке, а Ирина Яковлевна громко спросила, где Лена делала операцию. Сема кинулся к Инне с заверениями в ее полной и совершенной неотразимости. Игорь разразился фейерверком острот в адрес легкомысленных кокеток, Сомов, как ни в чем не бывало, продолжил обсуждать с Гансом достоинства и недостатки различных производителей подводного снаряжения. Одним словом, ни понимания, ни сочувствия Ленке найти не удалось. Что характерно, ее все время так и тянуло провоцировать окружающих на подобные выпады.

То она учила Татьяну, женщину весьма образованную и неглупую, правда, несколько нервную, какие книги надо читать и какие фильмы смотреть. То вдруг начинала советовать Ирине Яковлевне, ушедшей на пенсию в должности главврача одной из столичных больниц, заняться вязанием или попробовать освоить компьютер, хотя пожилым людям тяжело напрягать мозги, умственные способности в этом возрасте уже затухают. Ирине Яковлевне ведь исполнилось шестьдесят шесть. Но если она научится выходить в Интернет, это внесет некоторое разнообразие в ее скучную жизнь, полную болезней и кошек.

Ирина Яковлевна смотрелась рядом с Ленкой, как авианосец рядом с байдаркой. Высокая, статная, с орлиным взором, громким командным голосом, острым взглядом слегка прищуренных карих глаз, она никак не тянула на слабоумную старушку, сломленную болезнями и страдающую от одиночества в обществе сорока кошек, которых она, кстати сказать, терпеть не могла.

Посоветовав Лене побольше читать и поменьше смотреть телевизор, который явно наносит непоправимый вред ее интеллекту, Ирина Яковлевна удалилась к себе поступью царицы, оставив пришибленную Лену сожалеть о болтливом языке и непроходимой глупости.

Супруг Лены, Сергей Сомов, человек умный, образованный, воспитанный и симпатичный, на выходки жены никакого внимания не обращал, заступаться за нее никогда не пытался – в общем, проявлял очевидное равнодушие к собственной половине.

– Он бы давно с ней развелся, если бы не дети, – объяснила Элла, лениво болтая в воздухе загорелой ножкой. – Серега невероятно чадолюбив. Хотя какой им прок от такой мамочки – ума не приложу! Все равно Ленка ими почти не занимается.

– Сомов ладно, но неужели Ирма не знала, что тут творится?

– А кто тебе сказал, что не знала?

– Но если она знала, почему не прекратила? – недоумевала Юлия.

– Откуда я знаю, – лениво пожала плечами Элла, ей эта тема уже наскучила. – Может, считала – пускай лучше Ленка, чем какая-нибудь молодая, красивая, умная, да еще и незамужняя, а может, ей просто наплевать было. – Элла приподнялась на лежаке и махнула кому-то, чтобы принесли выпить.

– Все равно не понимаю, с чего ты взяла, что она знала? Может, они шифровались мастерски.

– Да слышала я случайно, как позавчера Ирма прижала Ленку к стене на палубе и что-то ей там шипела. Я разобрала только, что она пригрозила все рассказать Сомову, если Ленка будет и дальше выступать.

– В каком смысле выступать? – От обилия полученной информации у Юли уже ум за разум стал заходить.

– Понимаешь, Ленка все время пыталась Ирму задеть. Этакое чувство собственного превосходства. – Тут на палубу поднялся стюард с подносом, а следом за ним – Ирина Яковлевна, и разговор прервался.

Глава 6

Ирина Яковлевна тяжелой поступью поднялась наверх. Ей надо было подумать, и она очень надеялась найти здесь в тени уединение. Но куда там! Разве на этой посудине можно побыть одному? Под зонтом разлеглись Элла и эта нахалка Ползунова. Как только у людей совести хватает?

Ирина Яковлевна, поджав губы, величественно кивнула в ответ на приветствие и чопорно приняла соболезнования, очень надеясь, что подобный холодный прием поможет сбавить с яхты эту вертихвостку. У людей такое случилось, а она, бесстыжая, в гости приперлась!

Стратегия себя полностью оправдала. Поерзав на лежаке, беременная фря наконец-то отчалила восвояси. Следом за ней, прихватив свою книгу, убралась и Элла.

Что за плавание, просто сумасшедший дом на воде! Ирина Яковлевна достала веер и крикнула вниз, чтобы принесли мороженое. Аппетит ей не изменял даже в самых пиковых ситуациях. И зачем Игорю понадобилось приглашать эту кучу дармоедов? Хватило бы и своих. Она проследила недобрым взглядом за спускавшейся по сходням Еленой. Вот еще недоразумение, мало им было проблем, так Игорю еще понадобилось с чужой женой спать. Весь в отца. Тот тоже бабник был изрядный.

Угнетенное состояние встревоженной матери не прошло даже после двух порций мороженого. Как все скверно вышло! Конечно, она ни минуты не сомневалась, что подобная рана не могла быть следствием удара головой о платформу, недаром проработала всю жизнь в хирургии. Неужели нельзя было заранее все продумать, подготовиться, уточнить детали? В наше время дилетантизм вошел в моду. Ирина Яковлевна всегда считала, что ответственный подход к делу способен избавить от многих неприятностей.

Когда стало известно о смерти Ирмы, она сразу отправилась в здание администрации взглянуть на невестку и успела раньше, чем прибыли жандармы и перевозка. Для нее картина была абсолютно ясной, но какая-то надежда на неопытность местных криминалистов все же была. Как оказалось, напрасная.

Теперь придется ждать результатов следствия. С Игорьком на эту тему она не говорила. Мальчик и так напуган. И почему это не случилось в России? Уж там они бы замяли. Ах, как не вовремя, как глупо все произошло! Не продуманно, по-любительски.

Ирина Яковлевна терпеть не могла невестку. Когда Игорь развелся с Катей, она не переживала. Катя была капризной, избалованной девочкой, хоть и из хорошей семьи, но все же Игорек мог найти себе и получше. Но потом появилась Наташа, эта провинциальная аферистка, которую интересовали только их квартира и деньги, за ней Марина и, наконец, Ирма.

Эта патологическая привычка сына чуть что бежать в загс ужасно раздражала. Да, у Михаила Борисовича случались увлечения, но ни разу ему не пришлось в голову уйти из семьи! Во многом это была заслуга самой Ирины Яковлевны. Муж работал в ее клинике, она бдительно следила, чтобы его увлечения не переходили опасной черты, в противном случае пассия просто вылетала с работы. Сама Ирина Яковлевна, будучи женщиной видной, с хорошо развитым вкусом и пылким темпераментом, тоже позволяла себе время от времени ни к чему не обязывающие романы. Для тонуса. И когда Михаила Борисовича постигли пенсия, импотенция и, наконец, инфаркт с летальным исходом, она не пала духом. Ирина Яковлевна окунулась с головой в светскую жизнь, она всегда была заядлой театралкой, не пропускала ни одного вернисажа и даже обзавелась постоянным поклонником. То есть вела жизнь разумную, уравновешенную, не лишенную радостей. И ей было совершенно не понятно легкомысленное увлечение сына сменой официальных брачных партнеров. К тому же каждая из них норовила отщипнуть от семейного бюджета. Что было уж совсем возмутительно.

Когда на горизонте появилась Ирма, они проживали вместе с Игорьком в его загородном доме. На фоне предыдущих распущенных, невоспитанных пассий сына, не питающих никакого уважения к свекрови, Ирма показалась Ирине Яковлевне просто ангелом небесным. Она всегда внимательно прислушивалась к ее мнению, не забывала поздравлять свекровь с праздниками, всегда даря ей милые и весьма ценные подарки. Но со временем такая подчеркнутая слащавость стала утомлять, а потом и настораживать. Худшие опасения матери оправдались, когда Игорь на Восьмое марта преподнес ей ключи от квартиры. Сопроводив комментарием, что маме наверняка будет приятно иметь собственный дом, в котором она сможет все обустроить по своему вкусу и где ее не будет утомлять бесконечная череда гостей, которых так любят они с Ирмой. Конечно, мама всегда будет желанным гостем в их доме. Это был серьезный удар по самолюбию, который подорвал ее естественную и абсолютную власть над сыном. Дальше случилось кое-что еще. Сын из одного ему известных соображений оформил на Ирму большую часть своих активов и весьма солидный счет в офшоре. Сколько Ирина Яковлевна ни спрашивала, зачем он пошел на этот рискованный шаг и почему не спросил ее совета, членораздельного ответа так и не дождалась.

Но после этого события Ирма сразу переменялась. Теперь она откровенно и грубо указывала свекрови на ее место. Стала высокомерна и неуважительна с Игорем, позволяла себе любые, самые безобразные выходки, и, что самое ужасное, бедный мальчик был вынужден терпеть все эти омерзительные проявления низкой, неблагодарной натуры. А перед самым отъездом на отдых Ирина Яковлевна узнала, что Ирма завела себе постоянного любовника, профессионального танцовщика. Ирине Яковлевне показали его как-то на одной из светских тусовок. Высокий, подтянутый, со смазливym личиком, смуглый, черноволосый. Одним словом, мачо.

И вот теперь Ирма убита. Ирина Яковлевна вздохнула и налила себе коньяку, чтобы снять разыгравшуюся на нервной почве мигрень. Сидеть здесь и ждать, когда жандармерия разберется в случившемся, не входило в планы Ирины Яковлевны и совершенно не соответствовало ее деятельной, волевой натуре. Она просто обязана помочь жандармерии найти убийцу. Да. И она уже знает как.

Глава 7

В бунгало Юлия вернулась до обеда. Ирина Яковлевна появилась в самый неподходящий момент, прервав так чудно складывавшуюся беседу с Эллой. Эта старая мегера буквально выжила Юлю с яхты.

Ну да ладно. Голова и так пухла от полученной за утро информации.

Василий сидел на террасе с бокалом в руке и тихо набирался, стараясь справиться со стрессом старым, проверенным способом. Не обращая внимания на вопросы, которыми засыпал ее супруг, – кстати говоря, ему уже с большим трудом удавалось формулировать свои мысли, – Юля взяла стоявшую перед ним бутылку и заперла в сейф вместе со всем содержимым мини-бара. Василий топтался возле жены, жалобно вопрошая, посадят его или нет. Объяснив ему, что не готова обсуждать с ним важные вопросы до тех пор, пока он не обретет вновь человеческий облик, любящая жена вылила в море плескавшийся на дне его бокала бренди – пусть рыбки порадуются – и прошла в спальню.

Устроившись на кровати, она велела Василию пойти протрезвиться и принялась анализировать всю собранную за утро информацию.

Итак, что мы имеем?

Как известно из классики, причин для убийства не так уж много. Любовь и деньги. Найдешь кому выгодно – найдешь убийцу.

Вопрос первый: кому выгодно?

Своих денег у Ирмы нет, получить с нее нечего. Или есть? Ах, как не вовремя напился Ползунов. Он наверняка знает многое о материальном положении своих приятелей. Придется вопрос денег отложить на время, до возвращения Василия в нормальный вид.

Перейдем к любви.

На повестке дня первым является муж. Жили они скверно, но, возможно, такие нездоровые отношения добавляли им остроты ощущений, адреналина в скучные семейные будни, зажигая страсть? Извращенцев на свете пруд пруди. Шульмана безутешным вдовцом не назовешь. Соблюдая внешние приличия, он, тем не менее, особо не грустит. И что это значит? Ровно ничего. Сколько Юля помнила эту парочку, они вели себя как кошка с собакой. Но это тоже ничего не значит. Существуют тысячи пар, которые живут десятилетиями в такой обстановке, а потом умирают в один день, как Ромео и Джульетта, не представляя, что им делать друг без друга. И все же, сбрасывать его со счетов мы не будем, решила Юля. В таких делах муж всегда подозреваемый номер один.

Если развивать дальше тему любви-ненависти, то номером вторым, несомненно, надо ставить Елену Сомову. Вот у нее мотив очевиден. Единственным стоящим фактом, полученным Юлей за сегодняшнее утро, является роман Игоря с Еленой.

Лена спит с Игорем. При этом ее брак недостаточно прочен, и если муж узнает о романе, ее, скорее всего, ждут развод и потеря благосостояния, даже нищета. Ирма узнает об интрижке и грозит все рассказать Сомову. Да тут целых два мотива: и любовь и деньги! Можно ли считать достаточно веским основанием для убийства потерю денег, мужа и любовника?

Можно. Ленка тупая, необразованная, не очень молодая и очень избалованная дамочка. Устроить свою жизнь после развода ей будет непросто, найти такого же состоятельного мужа, как Сомов, точно не удастся. А рассчитывать на то, что ее будет содержать Шульман, и вовсе не приходится.

– Кажется, я двигаюсь в правильном направлении! – Юля довольно потерла ладошки.

Вопрос второй. А могла ли Лена это сделать? В том смысле, что не у каждого хватит духу хладнокровно убить человека, не в состоянии аффекта, а намеренно, продуманно.

Юля вспомнила Ленку, безмозглую эгоистку, лишенную всякой фантазии, похотливую, безжалостную хищницу, наделенную от природы единственным инстинктом – инстинктом самосохранения. Такая врежет камнем по черепу и спокойно отправится завтракать.

Вот у нас и появился второй подозреваемый! Юля счастливо потянулась на кровати.

Так. Сомову мы вычислили, но все же не помешало бы иметь кого-то про запас. Например, Сомов. Мог он убить Ирму? Неизвестно. Денежные интересы здесь, скорее всего, ни при чем. А что касается любовных, то в связи с Ирмой он замечен не был, а убийство из ревности исключено, скорее он мог убить Шульмана. Но Шульман жив. Значит, Сомова вычеркиваем.

Инна и Семен. Здесь все интереснее. Они вроде были на яхте, надо уточнить. Теперь мотивы. Убийство из-за денег. Да, Инна могла бы убить из-за денег, например не хотела делить наследство с папиной женой. Но тут что-то не стыкуется. Где гарантия, что Шульман, овдовев, снова не женится? К тому же у них с Ирмой не было детей, а другая вполне способна нарожать ему человек шесть маленьких Шульманов. Ну и где тут, спрашивается, выгода? Если только, осенило вдруг Юлю, Ирма не была беременна! Это надо выяснить. Значит, сладкую парочку со счетов пока сбрасывать не будем. Почему обоих? Потому что Семен тоже заинтересован в наследстве будущей супруги. Наверняка материальное положение невесты было не последним фактором, повлиявшим на его «бескорыстный» выбор. Они вполне могли провернуть это и вдвоем и по одному.

Подумав минуту, Юля взяла лист бумаги и, разделив его на два столбика, стала вписывать в правую графу подозреваемых, а в левую тех, кто оказался вне подозрения. Впоследствии можно будет перемещать фигурантов в зависимости от полученных сведений.

Идем дальше. Веселовы. Про этих Юле совсем ничего не было известно. Она просто заметила, что Татьяна явно недолюбливала Ирму. Так она и сама ее недолюбливала, это еще не повод для убийства. Пожалуй, надо выделить их в отдельный столбик.

«Сюда я буду помещать темных лошадок, – решила Юля, аккуратно проводя еще одну вертикальную линию. – Вот протрезвеет Василий, выясню у него, что это за люди и какие у них отношения с семейством Шульманов».

Идем дальше. Ирина Яковлевна. Эта точно могла пристукнуть. Просто чтобы избавиться от невестки. Ирма ее здорово раздражала. Ирину Яковлевну просто корбило от манеры Ирмы вести себя с Игорьком, а всем известно, на что способна любящая мать. Вот только способ убийства бывшая главврач могла бы выбрать поизощреннее, например передозировку лекарств или еще что-то в этом роде. Хотя, с другой стороны, если убийство было совершено в состоянии аффекта, то удар по голове вполне естественен. Другой вопрос, что такое тяжелое Ирина Яковлевна носила с собой, чтобы взять да треснуть по голове своей невестке с бухты-барахты? Эх, жаль, орудие убийства не нашли.

Ладно, в любом случае, мамашу со счетов списывать не будем. Эта ни перед чем не остановится для достижения собственной цели. Честно говоря, Юля ее немножко побаивалась. Она ей напоминала носорога: растопчет и не заметит.

Правый столбик заметно удлинился.

Идем дальше. Крюгеры. Ну, эти явно ни при чем. Еще в начале знакомства Элла говорила, что они с Гансом оказались на яхте совершенно случайно. На каком-то приеме около месяца назад их с Шульманами познакомил Сергей Сомов. Игорь прямо вцепился в Ганса Крюгера: визиты, приглашения и, наконец, круиз на яхте. Они просто не смогли от него отвяжаться. Да и Сомов уговаривал. Они с Гансом оба увлекаются дайвингом, вот Сергей и подбил их составить ему компанию. Никого, кроме Сомовых, они раньше не знали. И, как признавалась Элла, прекрасно могли обойтись без таких знакомств и дальше. Сплошной террариум. Все со всеми ругаются. Не отдых, а зоопарк.

Кстати, любопытное воспоминание. Если они ругались, значит, какие-то скрытые причины, старые обиды, невысказанные претензии есть. И надо будет покопаться во взаимоотно-

шениях обитателей яхты получше. Неизвестно, что выплывет на поверхность. Присказку про скелет в шкафу еще никто не отменял.

Итак, подведем итоги. Уже есть главный подозреваемый. Точнее, подозреваемая. Мотив есть, психологический склад соответствует, осталось выяснить, была ли у нее физическая возможность это сделать. Значит, надо ненавязчиво узнать, что делала вышеозначенная особа в конкретный отрезок времени. И при этом самой не получить по темечку.

А дальше видно будет.

Юлия перекатилась на кровати, свесилась с края и стала смотреть сквозь окошко в полу на суесящихся в воде рыбок. До обеда оставалось еще полчаса.

Глава 8

Елена сидела у себя в каюте и нервно пилила ногти. Обед только что закончился, но ей уже вторые сутки кусок в горло не лез. Скорее бы уже убраться с этой проклятой яхты, думала она, глядя на свое отражение в зеркале. Как она мечтала об этом путешествии! Еле Сомова уломала, этот идиот собирался лететь вместе с детьми в Австралию, смотреть кенгуру и коал в естественной среде. Елена презрительно фыркнула. Радости совместного со спиногрызами отдыха ей были непонятны.

Нет, с губами она все же переборщила, но в остальном довольно мило – отвлеклась от размышлений Елена, взглянув на себя в зеркало. Она ужасно гордилась своей внешностью. Ей почти тридцать, а кожа по-прежнему нежная и гладкая, как у девочки. Она подняла голую загорелую ногу: тонкие щиколотки, ровный бронзовый загар... А уж что касается задницы, то даже у Дженнифер Лопес не такая роскошная, все-таки почти десятка заплачена за эту красоту.

Мысли, которые всегда гарантированно поднимали ей настроение, на этот раз почему-то не сработали. И Елена с раздражением опять взялась за пилку. Она обожала сама делать маникюр, это успокаивало ей нервы. А сегодня они были взвинчены как никогда.

Мало ей было, что вчера весь день по яхте сновала полиция, так сегодня приперлась эта беременная роза-мимоза, вся из себя и везде сует нос.

Ленка ее терпеть не могла. Больше всего Елену раздражало то, как этот осел, ее муженек, носится со своей цацей. «Тебе удобно? Попить принести? Мороженого хочешь? Сока выжать? Яблочный или манго? Не горячо? Не холодно? Не дует? Музыка потише? Воздуху побольше?» А было бы из-за чего суетиться! Старая, жирная корова! Ее так разнесло, что и талии уже не отыскать. А грудь? Максимум третий номер. Ленка презрительно фыркнула. И что только мужики в таких находят? А уж строит из себя!

– Ах, Эллочка, как вам понравился Дали?

– Не очень, лично я предпочитаю Магритта.

Тьфу, выучили, небось, три имени, две фамилии и выпендриваются! Но все это, по большому счету, не имело никакого значения. Самое ужасное, что эта Ползунова шныряет целый день по яхте и задает всем опасные вопросы. И какое ей, спрашивается, дело?

Лена сама слышала, как она разговаривает с горничной. И представьте себе, эта лиса интересовалась, где была Ленка в день убийства и не видела ли горничная, как Лена пару дней назад с погибшей хозяйкой разговаривала!

А потом она под села к Инне в верхнем салоне и так сладенько, будто невзначай, спросила, когда Елена ушла с яхты в то утро. А утром, Лена сама видела и даже подслушать хотела, они с этой ведьмой Эллочкой на флайбридже шептались. Но стюард помешал. А потом явилась старая жаба и всех разогнала. Тоже то еще сокровище! Пронюхала, что Ленка с сыном ее спит, и смотрит теперь ехидно, глазки сощутив, насмехается. Ух, как Ленка их всех ненавидела. Самодовольные идиоты! Им-то что, они все в шоколаде! А попробуйте, как она, из третьеразрядного кабака в люди выбиться!

Ну уж нет. Она не позволит им над собой смеяться! Не такая уж она дурочка, как кажется. Вот и Ирма, тоже все над ней смеялась, и где она теперь? Лена с раздражением швырнула в угол пилку и с рыданиями упала на кровать.

– Петрова! Запевай! – командовал вожатый в пионерлагере, когда их отряд ходил строем в столовую или в поход. – Какой голос! – делился он с идущей рядом воспитательницей. – Ей бы в музыкальную школу поступить или в хоровую студию. Да в такой семье никому до ребенка дела нет, – продолжал Николай Сергеевич, с грустью глядя в спину худенькой, белокурой Лены Петровой.

Девочка каждый год приезжала на три смены в заводской лагерь, и за все лето никто ни разу ее не навещал. Отца у Лены не было. Точнее, он, конечно, был. Но, когда его второй раз посадили, мать с ним развелась. Сама Зинаида Михайловна Петрова, Ленина мама, работала на заводе наладчицей. Была она доброй, веселой и какой-то бесшабашной. По молодости любила компании, танцы, песни, потом выскочила замуж за красивого парня, такого же безголового и лихого, как она сама. Генка Петров тоже работал на заводе, был слесарем, а еще играл в инструментальном ансамбле. Здорово пел, и все девчонки по нему сохли. Но выбрал он Зинку. Жили они весело, дружно, в заводском общежитии, каждый день у них собирались компании, пели, выпивали. Вот после таких посиделок и случилась та драка, после которой Генку посадили первый раз. Он по пьяной лавочке пырнул кого-то ножом. А может, и не он, но свалили все на Зинкиного мужа. Так что, когда родилась дочка, Генка сидел в тюрьме. Лена папу не знала, но много о нем слышала и очень ждала. Потому что был веселый, добрый и хороший, как говорила мама, только дурак. Этого Леночка уже не понимала.

Когда Лена пошла в садик, папа вернулся. Был он не совсем таким, как она представляла, но вскоре она к нему привыкла. Папа хорошо пел, и они часто пели вместе. Леночка в садике всегда была солисткой, и папа Гена ею очень гордился. Только иногда он сильно пил, кричал, плакал, ругался, и мама на него сердилась. Леночке это не нравилось. Раньше у них дома никто не ругался. Мама приходила с работы, забирала Лену из садика, они ужинали, и Лена шла спать. Скучно, тихо. В праздники ходили в гости. Там мама пела, изредка выпивала. Иногда к маме приходили какие-то дяди. Они тоже выпивали, но тихо, без скандалов, много смеялись, а потом Лена шла спать к соседке тете Шуре.

А с папой мама часто ссорилась, а потом он опять уехал. И мама подала на развод. Только когда Лена училась во втором классе, она узнала от матери своей подруги Тани, что папа, оказывается, сидит в тюрьме, а не уехал в командировку. Она долго плакала. А когда мама вернулась домой и узнала, что случилось, то пошла к тете Гале, Таниной маме, на пятый этаж, и очень с ней ругалась. А тетя Шура сказала, что они даже подрались. И Леночке запретили с Таней дружить.

Училась Леночка средне, даже плохо. Зато пела хорошо. На всех концертах выступала. Мама ее хвалила. Но жить они с мамой стали хуже. Мама стала выпивать все чаще, стали к ним приходиться гости, разные. Некоторые хорошие и тихие, а другие дрались. И Леночка, когда увидела у мамы синяк в первый раз, расплакалась и очень ее жалела. Но мама только накричала на девочку и поддала ей, чтобы не лезла не в свое дело.

С тех пор у них все пошло вкривь да вкось. Если бы не тетя Шура, которая жалела Лену и часто брала к себе, Леночке было бы и вовсе скверно. А когда закрылся завод, на котором работал почти весь город, жить стало совсем ужасно. Копейки, которые матери платили как безработной, она пропивала. Ленка почти голодала. Ей было уже пятнадцать, и тетя Шура пристроила ее уборщицей в ресторан. В школе Лена появлялась не каждый день, зато у нее появилась сомнительная компания, ребята там были постарше. Ленка научилась пить, курить, а через год потеряла девственность. И даже не помнила с кем. Катилась она все ниже и, наверное, скоро совсем бы спилась и померла под забором, но случилось чудо. Когда Ленка в очередной раз возюкала тряпкой по полу в пустом ночном зале, она запела. Запела в полный голос, а в кухне сидели и выпивали музыканты, один из них услышал ее, вышел в зал, разговорился, и через две недели она уже пела по кабакам с их командой. Коллектив был маленький, мобильный, ездили они на старых ржавых «Жигулях», забив инструменты в багажник. Выступали на свадьбах, в ресторанах, иногда на похоронах, но там уже без Ленки. Платили сдельно. После концерта выпивали. Но главный всегда следил, чтобы не перебарщивали, потому что назавтра опять работать.

Пропела Ленка в коллективе три года, получила аттестат зрелости и задумалась. В маленьком городишке, по которому они ездили чесом, ловить молодому дарованию было

нечего. Две улицы, три переулочка. Гонораров от их выступлений едва хватало на хлеб с маслом. А Лене хотелось совсем другого. Хотелось богатой, красивой жизни. Поклонников на «Мерседесах», как по телику показывают, норковых шуб, бриллиантов. Стоя перед облезлым зеркалом, висевшим за дверью в их комнатке в общежитии, она часами рассматривала свое отражение. Оно ей нравилось. Ростом бог ее не обидел, фигура тоже удалась, да и личико, спасибо родителям, хоть куда. Вот только куда именно?

Да только в Москву! Там настоящие деньги, там можно выбиться в люди. Иллюзий Ленка не питала, и план ее был предельно прост. Приехать в столицу, зацепиться в каком-нибудь ресторане, благо в Москве их пруд пруди, найти богатенького спонсора, и вперед, на большую эстраду. Вот так, просто и неоригинально. Цена успеха Лене не смущала. Ее подружки с каждым встречным-поперечным за бутылку водки готовы в койку завалиться, а у нее по крайней мере высокие цели.

План начал воплощаться. Правда, с пробуксовками и непредвиденными задержками, но Лена продвигалась к заветной цели. Начинать пришлось не певицей, а полумойкой в привокзальной забегаловке. Но настырность и страстное желание выбиться помогли ей продвинуться еще на шаг вперед. Спустя год она пристроилась в летучую бригаду, которая занималась тем же, чем и ее коллектив в родном городке. Металась по точкам, не брезговала никакой халтурой. Но Лена не терялась. Среди новых коллег был один спившийся заслуженный выпускник консерватории, которого она уговорила давать ей уроки за четверть ее доли. Поняв вскоре, что петь она не умеет, а голос ее может стать лишь украшением провинциальной самодеятельности, Ленка приуныла. Денег, шуб и богатых поклонников хотелось по-прежнему. И она, поговорив по душам со своим спившимся наставником, отправилась в бывший Дворец пионеров, в студию вокала и уговорила заслуженного педагога, регулярно недополучавшего свою мизерную зарплату, позаниматься с ней.

Изольда Валериановна, так звали преподавателя, добрая душа, видя, с каким дремучим и невежественным существом ей приходится заниматься, между делом и совершенно бесплатно давала Ленке уроки хороших манер и вкладывала в ее гулкую от пустоты голову хоть какие-то крупинки общечеловеческих знаний. Общение с таким глубоким и интеллигентным человеком не прошло даром. У Ленки хватило ума впитывать как губка все, что ей говорилось на уроках. И уже через полтора года она смогла найти себе постоянную работу в третьесортном ресторане на окраине, сохранив свои прежние халтуры. Она приделась, сняла чистенькую комнатку за Кольцевой, но главной проблемы – выбиться в люди – это не решило.

В Москве кишмя кишело певиц и девиц, желающих стать певицами. Пробыться наверх при такой убийственной конкуренции было практически невозможно. Но Лене удалось реализовать следующую часть своего плана – она нашла спонсора. Ей было уже двадцать. Но, взглянув девушке в глаза, можно было дать все тридцать. Маскировать такой недостаток было сложно. А папикам что, им свежесть подавай и детскую наивность. И все же она зацепилась за Сандро Гургеновича, короля овощей и фруктов.

Деньги у Лениного покровителя были, а вот связей не было. И Лена в очередной раз призадумалась. Посоветовавшись с Изольдой Валериановной, она раскрутила Саню, как она ласково называла своего покровителя, и он оплатил ей одним махом аж три курса обучения в музыкальном колледже. Проучившись три курса, Лена сочла себя вполне подготовленной для активного участия в музыкальной жизни столицы. Она с утра до ночи носилась по городу, участвуя в кастингах, конкурсах, отборах, не ставя себе задачу победить или пробиться, а желая примелькаться и завязать знакомства. И ей это удалось. Как человек недалекий и надежный значительным запасом энергии, она совалась в каждую щель, нагло навязывала свое общество всем и каждому, кто мог хоть как-то помочь ей продвинуться в карьере. И со временем эта примитивная политика сработала. Ее стали приглашать на подпевки вместо заболелых певиц, ею затыкали бреши в гастрольных поездках малоизвестных, третьеразрядных

коллективов, приглашали на дешевые корпоративы. Она не отказывалась, стремясь пробиться повыше. К этому времени она уже съехала от Сандро Гургеновича. Просто явилась однажды домой, покидала в сумку свои вещички и кое-что из наиболее ценных его вещей и исчезла в голубой дали.

Теперь она жила у мелкого продюсера, организующего туры по глубинке для спившихся забытых звезд российской и советской эстрады. Иногда он брал ее с собой.

Жизнь Лены теперь не шла ни в какое сравнение с тем жалким существованием, которое она вела в родном городишке. И все же она была по-прежнему далека от своей мечты, а ей было уже двадцать два. Выглядела она на двадцать шесть, а по утрам и на все тридцать. Ленка очень устала от этого бега на месте и начала уже выдыхаться. Она поняла, что не обладает ни выдающимся голосом, ни талантом, ей опостытели пьяные «поклонники», выступления в поселковых клубах, ночная жизнь. Хотелось тишины, покоя и сытой жизни.

Когда на одном из корпоративов на нее запал сильно подвыпивший мужик в дорогом костюме, Ленка уже устала от шума, песен и танцев. Ей просто хотелось попасть в тихое место, где ее не будут щипать за задницу, заставлять показывать стриптиз на столе и грязно домогаться возле туалета, и она поехала к нему. Попад в большую, богатую, невероятно респектабельную квартиру подцепившего ее бизнесмена, она вдруг поняла, что хочет остаться здесь навсегда. Любой ценой. И она осталась.

Ей пришлось из кожи вон лезть, изображая из себя то, чем она вовсе не являлась, лишь бы остаться в жизни Сергея Сомова. Сомов в этот период только-только встал крепко на ноги, сутками торчал на работе, и ее усилия по созданию образа жены, хозяйки и, главное, матери полностью себя оправдали. А когда ей удалось затащить Сомова в загс после рождения второго ребенка, она напилась от счастья так, что едва все не испортила.

Сомов был ее сокровищем, ее главной победой в жизни, ее трофеем. И когда Ирма угрозила разрушить то, к чему Ленка стремилась всю свою жизнь, в ней закипела такая ярость, что она едва не вцепилась той в горло. И это тогда, когда ее жизнь обрела некоторую устойчивость и надежность! Нет! Ленка хорошо помнит свою молодость и никому не позволит отнять у нее кусок сытого счастья. Слишком дорого он ей достался. Она никогда не вернется к прежней жизни. Никогда!

Глаза Елены, устремленные на сияющую бирюзу лагуны, наполнились злыми слезами.

Глава 9

Василий куда-то исчез, вероятно, продолжил возлияния в одном из баров, так что обедать Юле пришлось в одиночестве. «Ладно, разрешу ему сегодня расслабиться, а уж завтра буду приводить в чувство», – великодушно решила она, покидая бунгало.

Юля брела по белому теплему песку в сторону пирса, пытаясь настроиться на рабочий лад. Идти на яхту жутко не хотелось. Будучи человеком воспитанным и тактичным, Юля прекрасно понимала, что ей там не рады. А навязываться она патологически не любила. Но деваться было некуда. Лишь на яхте можно найти настоящего убийцу и снять с мужа подозрения. Подбадривая и уговаривая себя, она плелась мимо шелестящих на ветру пальм по кромке прибоя. Длинный льняной сарафан путался в ногах и хлопал мокрым подолом по щиколоткам.

Вчера в Ваитапе Юля купила для Татьяны художественный альбом, посвященный местным народным промыслам. Элла сказала, что она обожает рукоделие, значит, будем подлизываться. Для Инны и Елены был приобретен в подарок сок нони. Нони – это полинезийский фрукт, горький, плохо пахнущий и невероятно полезный, здесь его называют источником молодости. Жители Бора-Бора считают, что продолжительностью своей жизни, которая, кстати, превышает европейскую, они обязаны этому плоду. Именно благодаря нони они практически не болеют, у них прекрасная кожа, густые волосы, полное отсутствие целлюлита, так что барышням должно понравиться. Для злобной фурии Ирины Яковлевны Юля тоже прихватила бутылку, может, напьется и поболеет?

Как ни оттягивала она свое появление, но спустя десять минут уже стояла на палубе.

На «Sole mag», так называлась яхта Шульмана (что это значит, никто не знал, это имя принадлежало яхте при покупке, и Игорь не стал его менять), царило прежнее подавленное настроение Елены. Команда двигалась беззвучно, как призраки, с подчеркнuto подавленными, скорбными лицами, что, в свою очередь, обязывало и гостей не упасть лицом в грязь.

Обед только что закончился, и Юля успела ухватить за локоть спешащую скрыться в своей каюте Татьяну. Почему было решено начать с нее? А почему нет? Она первая подвернулась под руку. Где она была в момент убийства, Юлия не знала. Значит, пора поинтересоваться.

– Танечка! Добрый день! – засюсюкала Юля на ухо мадам Веселовой, как бы невзначай увлекая ее на корму. – Сто лет вас не видела.

Татьяна вытаращила на гостью серые близорукие глаза.

– В смысле, мы не разговаривали. Как вы себя чувствуете после всего случившегося? Просто кошмар, правда? – строила из себя сладкую идиотку гостья. – Бедный Игорь, как хорошо он держится! – продолжала Юля шептать ей на ухо, не забывая посматривать, разбреглась ли по каютам остальная публика. Теперь вся компания приобрела новую привычку разбегаться в разные стороны сразу же после трапезы. Общаться никому не хотелось. Исключение составляли лишь Крюгер с Сомовым, которые исчезали, дружно взявшись за руки. На них происходящее абсолютно никак не повлияло, они по-прежнему занимались то дайвингом, то рыбалкой, то катались на скутерах.

Татьяна, похоже, немного оправилась от неожиданной вспышки дружеских чувств, которая приключилась с Ползуновой, и начала реагировать на задаваемые вопросы.

– Действительно ужасно. Еще и потому, – совершенно искренне посетовала она, – что нам не разрешают покинуть яхту.

– Как? Мне казалось, вы спокойно сходите на берег, – прикинулась Юля законченной идиоткой.

– На берег мы можем сходить, но уехать – нет. Пока полиция не найдет убийцу, мы все будем тут сидеть, – плаксивым голосом пожаловалась Татьяна.

– Но вы-то тут при чем? – неискренне возмутилась Юля.

– Вот именно! Я всегда прекрасно относилась к Ирме, мы дружим семьями! Мы столько лет знакомы! Какое, спрашивается, отношение мы имеем к этому убийству? – чересчур истерично выкрикнула Татьяна.

Ладно, потом поразмышляем. А сейчас надо выяснить, где была Елена в день убийства.

– И ведь подумать только, ее убили прямо здесь, на яхте. Невероятно! – Закатила Юля глаза. – Неужели никого в это время не было на борту?

– Были, конечно. И Инна с Семеном, и команда, и еще кто-то, по-моему.

– Вы тоже? – с наигранным восхищением спросила коварная гостья.

– Боже упаси! Мы с Ириной Яковлевной как раз учились расписывать ткани национальным орнаментом на берегу.

– Ой, чуть не забыла! – спохватилась Юля. – Я же купила альбом вам в подарок. Когда увидела его в магазине, сразу подумала, что вам должно понравиться! – И она вытащила из пестрой авоськи яркий красивый альбом, значительно облегчив свою ношу.

– Какая прелесть! – искренне обрадовалась Татьяна, листая глянцевые страницы.

– Так вы мужчин проводили и сразу ушли? – задала Юля хитрый вопрос.

– Нет, мы ушли раньше, почти сразу после завтрака, – рассеянно проговорила Татьяна, рассматривая картинки.

– Елена тоже с вами пошла? – разочарованным тоном спросила Юля, все-таки жаль было терять двоих потенциальных подозреваемых.

– Нет. Она такими вещами не увлекается. По-моему, она в SPA собиралась. Но, когда мы уходили, Лена еще переодевалась.

– Откуда ты знаешь? – вцепилась в ее руку Юлия.

Веселова взглянула на собеседницу с недоумением, но все же ответила:

– Когда я выходила из своей каюты, дверь в каюту Сомовых была приоткрыта. Я слышала, как Лена жаловалась мужу, что она совсем обносилась, ей совершенно нечего надеть. Она уже на массаж опаздывает, а вынуждена придумывать, чем зад прикрыть. Сергей посоветовал ей идти голой, поскольку в ее задницу сумасшедшие деньги вложены, так зачем их прятать? И покинул каюту. Я в это время уже по трапу поднималась. Мы с Ириной Яковлевной ушли, а мужчины на верхней палубе снасти проверяли.

Ага! Татьяна с Игорева мамашей ушли, мужики наверху были, а Елена, значит, в одиночестве наряды выбирала! О-ля-ля!

– Значит, вы ушли сразу после завтрака? – уточнила Юля.

– Да, шляпы и сумки прихватили и пошли, – несколько растерянно ответила Татьяна.

– А во сколько это было?

– Полиция уже спрашивала, – как-то слишком внимательно глядя на Ползунову, ответила Таня, – я точно не помню. Но около половины одиннадцатого. А почему вас это так волнует? – особо подчеркнув слово «вас», спросила Татьяна.

– Ну, все-таки я труп нашла, – попыталась неловко выкрутиться Юлия.

Помолчав с полминуты, она сообразила поинтересоваться, как Татьяне понравилось расписывать батик, какой техникой и какими красками они пользовались, что за орнаменты освоили. Ей в голову вдруг пришла фраза, сказанная Штирлицем: «Теперь, если его спросят, зачем приходил Штирлиц, он ответит: «За спичками».

Итак, Татьяна с Ириной Яковлевной отпадают. Ибо покинули яхту первыми, на глазах у всех. А Елена как раз наоборот.

«Мне нужно точно знать, когда она сошла на берег, и думаю, лучше всего обратиться с этим вопросом к горничным. Уж они-то наверняка все видели», – оглядываясь в поисках следующей жертвы, рассудила Юля.

К ее великому сожалению, поблизости не было видно ни одной горничной. Стюарды уже прибрали в столовой, население этого славного судна попряталось кто куда. И где теперь

искать горничных? Не лезть же в недра незнакомого корабля, плутая по закоулкам в поисках информаторов. А почему, собственно, и нет? Все самое интересное можно выяснить, именно подслушивая и подсматривая. «Повод у меня имеется. Хочу вручить одной из трех дам подарок, а которой – будет видно по обстоятельствам», – подбодрила себя Юля. Но сначала придется сбегать наверх. Туда только что поднялась Инна, причем одна, а это редкость. Поскольку Сема имеет скверную привычку таскаться за невестой, как приклеенный. Если, конечно, не подлизывается в это время к будущему тестю или не поет дифирамбы корпулентной Ирине Яковлевне.

Юля застала Инночку лежащей на белом кожаном диване с большой шоколадкой в одной руке и пультом от телика в другой. Пухлый зад юной нимфы был обтянут маленькими белыми шортиками, из которых, как тесто из квашни, вылезали толстые ляжки, этот фасон девочке явно не шел. Но учить ее жизни в Юлины планы не входило.

– Привет, Инночка, – дружески поздоровалась она, садясь рядом в кресло.

– Привет, – мило улыбнулась девушка.

– Что смотришь?

– Пока ничего, Сема сейчас диск принесет.

Значит, надо торопиться.

– Я вчера в Вайтапе купила всем на пробу сок нони. Говорят, невероятная вещь. Если регулярно пить понемногу, кожа становится упругой, жиры сжигаются, ногтями можно стекла резать, а про волосы и говорить не приходится, станут такими густыми, что ни одна расческа не выдержит. Этот нони здесь источником жизни называют, способствует омоложению организма, регенерации тканей. И от него здорово худеешь, без всяких диет! – без зазрения совести приплела Юля. – Вкус, правда, не очень, а запах – просто жуть.

– Значит, точно поможет! – радостно вскочила с места Инна и тут же откупорила бутылку.

По салону поплыл тошнотворный запах. Но Инна, не обращая на такие пустяки внимания, смело сделала большой глоток: видно замечание Елены по поводу целлюлита не давало юному созданию покоя.

– Ничего. Могло быть и хуже, – облизнулась Инна.

– Я на пробу всего пару бутылок взяла, но если будет эффект, докупим еще! – Подхватила дарительница радостный порыв. – Ленке ничего не говори. Пусть дрыхлеет.

– Ой! – пискнула Инна, едва не расплескав содержимое бутылки.

Юля обернулась и увидела, что за окном мелькнуло яркое, тропическое парео Елены Сомовой.

– А! – Она легкомысленно махнула рукой. – Слышала – и ладно, не помрет, небось не в первый раз.

– Точно. Терпеть эту мымру не могу, – поддакнула Инна.

– Эх, жаль, Ирма погибла, она хотя бы иногда эту выскочку на место ставила, – решила Юля направить беседу в нужное русло.

– Ну, Ирма тоже не подарок была, – сморщила носик-кнопку девушка. – О покойниках или хорошо, или ничего, но эта нахалка на Семена просто вешалась! – В голосе девушки зазвучали слезы. – То зайди в каюту платье ей застегни, то спинку маслом намажь, то в воде голая подплывет – покачайте ее на ручках, и все у меня на глазах! – Юле показалось, что Инна сейчас разрыдается. – А подарок? – Раздался почти истерический всхлип, видно, количество перенесенных Инной обид превысило допустимый лимит. – Папа мне кольцо для помолвки купил, хотел вручить, когда я на яхту приеду. А она у него выпросила и специально передо мной в этом колье в первый же вечер щеголяла. Черные и белые бриллианты от Гэрри Уинстона! Его специально на заказ для меня сделали! А она отобрала! Папа пообещал другое купить, но я-то это хотела! Оно мое было! – И Инна капризно топнула ножкой. – Ненавижу ее! Ненавижу!

– Но теперь уж оно точно тебе достанется, – попробовала Юля успокоить расклеившуюся барышню.

– Вот еще! Что бы я за ней старье донашивала? Нет уж, раз обещал, пусть новое покупает. Да, у кого-то ши пустые, а у кого-то жемчуг мелкий.

Выходя из салона, мадам Ползунова столкнулась с сияющим Семеном, который нес поднос с пирожными, фруктами и напитками. Чувствуется, что молодежь решила оторваться без свидетелей.

– Сема, ну зачем ты сам все это тащишь? – сморщила носик Инна, но глаза довольно посверкивали.

– Хотел за тобой поухаживать, – проворковал Сема и заметил Юлию. – Добрый день, – холодно поздоровался мальчик, явно давая ей понять, что третий здесь лишний.

Да, семейство Шульманов и их будущие родственники Юлю явно не жаловали. Но ничего не поделаешь, придется терпеть. Она пожелала парочке приятного просмотра и удалилась.

Значит, Инна Елену после завтрака не видела. Они с Семеном отправились напрямик к себе в каюту в надежде провести первую половину дня в счастливом уединении, благо все обитатели яхты должны были отчалить кто куда. И не выходили, пока одна из горничных не постучалась к ним и не сообщила о смерти Ирмы.

«Ну что ж, самое время наведаться вниз, разнюхать, что там творится, возможно, встречу кого-нибудь из персонала». И начинающая сыщица решительно направилась к трапу.

Глава 10

Раньше Юлия не бывала на нижней палубе, так что спускалась с некоторой опаской.

Небольшой холл, обшитый орехом, справа две двери, слева маленький коридор и еще три двери, ни углов, ни поворотов. Никуда не спрячешься. Справа из-за двери неслся громкий, уверенный храп. Ясно, Ирина Яковлевна отдыхает. Уже легче. Дверь в конце коридора приоткрыта, и оттуда доносится приглушенная музыка. Юлия отважилась и, подкравшись на цыпочках, заглянула внутрь. В просторной каюте никого не было, но звук шел явно отсюда. Судя по валяющимся в беспорядке вещам, маленьким босоножкам, шлепанцам, журналам и шоколадным конфетам, тут обитали Инна с Семеном. Решив, что терять ей нечего, Юлия обогнула большую двуспальную кровать и заглянула в ванную. Горничная, подпевая Шакире, мыла ванную.

– Ты точно знаешь, что это было в тридцать восемь минут? – строго переспросила Юля горничную по имени Тесс.

– Абсолютно. Я как раз пылесосила в соседней каюте, так как господа Веселовы уже ушли, и я убирала. Елена так громко хлопнула дверью, что я оторвалась от пылесоса и увидела ее. А потом автоматически взглянула на часы, чтобы прикинуть, укладываюсь ли в график.

– У тебя есть график уборки кают?

– Нет, я сама себе его выстраиваю, так лучше работается, быстрее и четче. Поэтому и на часы все время посматриваю. Вот, например, эту каюту, – Тесс окинула деловым взглядом захламленную комнату, – планирую убрать за полчаса.

– А у Елены было что-то в руках?

– Сумка, плетеная пляжная кошелка, она часто с ней ходит. Ах да, она еще по телефону разговаривала. Но я не слышала о чем, пылесос работал.

– Ты одна все каюты убираешь? – полюбопытствовала Юля напоследок.

– Нет. Я убираю все гостевые, а Бет – хозяйскую и каюты команды.

Поблагодарив разговорчивую, наблюдательную Тесс купюрой в сотню евро, Юля вышла назад в коридор. Дверь в каюту Сомовых была слегка приоткрыта, и она успела заметить, как в щелке сверкнул чей-то глаз. А в следующий момент получила дверью в лоб так, что из глаз искры посыпались.

– Ой, это вы? Не ушибла? – раздался возле уха сюсюкающий голос мадам Сомовой. – Я и предположить не могла, что тут кто-то есть! А что вы тут делаете?

Так, Ленка тоже не дремлет.

– Кольцо потеряла. Просила горничную поискать, – потерла Юлия ушибленный лоб.

– Ну, удачи! – И дверь захлопнулась.

«Похоже, она догадывается, что я ее подозреваю, так и крутится рядом, – Юля сердито ощупывала набухающую шишку. – Значит, я на правильном пути! Главное теперь, не получить камнем по кумполу».

Не задерживаясь более внизу, она взбежала вверх по трапу и натолкнулась на Эллу.

– О, привет. Снова у нас?

– Ну да. Зашла поведать.

– И кого именно? – насмешливо поинтересовалась Элла.

Взглянув в ее умные, смеющиеся глаза, Юля решила не врать, все равно не поверит. А вот помочь, вполне вероятно, сможет. К тому же она живет на яхте, знает компанию намного лучше, может поделиться важными сведениями. Если, конечно, захочет.

– У тебя минутка есть? – шепотом спросила Юля.

– Хоть десять.

Глава 11

На правом борту в каюте Крюгеров окно было открыто, и свежий морской бриз шевелил тонкие занавеси.

Элла вытянулась на кровати в тоненькой, коротенькой шелковой сорочке и болтала в воздухе длинной загорелой ногой. Ноги у нее были сильные, мускулистые, но при этом удивительно красивой и почти идеальной формы. Элла ими жутко гордилась, хотя ни за что никому бы в этом не призналась.

– Она действительно думает, что инспектор серьезно подозревает ее мужа? – Ганс, художавый, высокий, с жилистыми, накачанными руками, стоял у окна, любуясь женой. Он всегда восхищался ее стройной спортивной фигурой, которую совершенно не портили широкие плечи, а небольшая, красивой формы грудь казалась ему гораздо соблазнительнее уродливых силиконовых тыков, которыми украсила себя дурочка Елена.

Пушистые русые волосы и серые, холодноватого оттенка глаза вызывали его искреннее восхищение. Ни одна женщина не казалась ему столь привлекательной с тех пор, как он познакомился с Эллой. Она сочетала в себе ум, красоту, неугасимую энергию, была изобретательна, остроумна, образованна. В общем, воплощала в себе идеал русской женщины, который он и искал. Странно было то, что своим счастливым браком он был обязан чудакловому, ныне покойному, деду.

– Они с Ползуновым вообразили, что его вот-вот арестуют, – ответила с кровати жена.

– Что за ерунда? По-моему, у жандармов до сих пор нет четкой картины преступления. Они бродили по кораблю с потерянными, несчастными лицами.

Элла кивнула.

– Иногда люди сами создают себе проблемы, исключительно от безделья и богатой фантазии. И потом, согласись, скучно лежать на пляже без дела три недели, а тут такой аттракцион! Поиск преступника, и, главное, совершенно оправданный.

Разговор шел на немецком, хотя Ганс владел русским языком гораздо лучше, чем его супруга немецким, но на яхте, где плотность обитателей была весьма высока, они предпочитали именно этот вариант общения.

– Ну, тогда она на правильном пути. – Супруги понимающе переглянулись. – У Елены действительно был мотив. Ума не приложу, почему Сергей до сих пор с ней не развелся? – Ганс пожал плечами и присел возле туалетного столика. – Зная «новых русских», я поражаюсь подобной абсурдной привязанности.

– Все мы родом из детства, – пожалала плечами Элла. – Отец бросил их с матерью, когда Сергею было семь лет, он очень тяжело это пережил.

– Ах, вот в чем дело. Безотцовщина. Разве они потом не общались?

– Нет. Отец просто переводил деньги по почте, сказав, что для ребенка встречи будут ненужным стрессом. А потом он с новой женой эмигрировал в Израиль, и они больше не виделись. Так что Сергей готов со многим примириться ради того, чтобы сохранить детям полноценную семью.

– Русские странные люди. Думаю, потерю такой мамы, как Ленка, дети вряд ли заметят.

– Это уже другой вопрос. Главное в данном случае то, что если Сергей все же пойдет на развод, то Ленка ничего от него не получит. Ирма это знала, как и о ее связи с Шульманом, и угрожала Ленке все рассказать мужу. Я лично слышала сей разговор и как добропорядочная гражданка вынуждена буду сообщить об этом жандармам, если меня, конечно, спросят. И тогда... – не договорила Элла, выразительно глядя на мужа.

– И тогда Сергей сможет найти себе достойную пару, убийца получит по заслугам, а мы отправимся домой. А чем занималась до замужества эта сомнительная личность со скверной репутацией?

– Пыталась пролезть на эстраду. То на подпевках у кого-то голым пузом трясла, то на подтанцовках вертелась вокруг продюсеров и музыкантов, искала спонсора, который бы наверх протолкнул. Там Серега ее и подобрал. А до этого, кажется, в ресторане пела.

– Подожди, но ведь у нее ни слуха, ни голоса?

– А на нашей эстраде эти вещи – не самое главное.

– Действительно, – усмехнулся Ганс, подсаживаясь к жене на кровать и щекоча ей губами ухо. – И что же, ты поделилась с госпожой Ползуновой информацией? Помогла ей в поисках преступника? – В глазах Ганса засветились озорные огоньки.

– Разумеется, сделала все, что в моих силах. Тем более что у Ленусика, оказывается, и в самом деле отсутствует алиби. – Элла обернулась, обвила руками шею мужа, и они оба повалились на кровать. Элла перевернулась несколько раз и, оседлав Ганса, спросила с озорной, мальчишеской улыбкой:

– Кто лучший сыщик на свете?

– Мадам Крюгер! – И в следующую секунду они с хохотом скатились с кровати.

Дальнейшее не имело к расследованию никакого отношения.

Глава 12

Поездку в Ваитапе Юля запланировала на следующее утро. Василий ехать отказался, боялся, глупенький, что его сразу в тюрьму посадят. Наверное, это похмельный синдром в нем бродит.

Здание жандармерии, небольшое, симпатичное, современное, чистенькое и аккуратное, она нашла с трудом. Улыбчивые, загорелые жандармы встретили посетительницу, как английскую королеву, и с почестями проводили к инспектору.

А уже после обеда месье Балзак, тезка великого французского писателя, поднимался на палубу «Sole mar». Юлия, опередив инспектора, уже заняла наблюдательный пункт на корме под навесом. Ради такого важного случая ей пришлось подлизаться к Ирине Яковлевне. Достав очередную бутылку сока нони, Юлия консультировалась с этой достойной дамой, не повредит ли в ее положении столь сильнодействующее биологическое средство. Оседлав любимого конька, благородная вдова громогласно поучала добровольную жертву, делясь совершенно ненужными советами, вколачивая в ее несчастную голову свое мнение, как плотник гвозди. Юля кивала, стараясь не упускать из виду циферблат в столовой. Инспектор обещал появиться в четыре.

Увидев поднимающуюся по трапу фигуру в белой рубашке и синих брюках, мадам Ползунова ужасно оживилась, проявив горячий интерес к очередному методу снятия токсикоза, комментируемому Ириной Яковлевной, от чего ее собеседница даже утратила на пару секунд свой неизменный боевой пыл.

Инспектор, не обращая внимания на настороженные взгляды, которые бросали на него пребывающие на свежем воздухе пассажиры судна, прошествовал на мостик.

Затем он с капитаном переместился в кабинет, куда минуту спустя прибыл Шульман. Еще через минуту хозяин с растерянным видом удалился, а в кабинет в сопровождении капитана пришла Елена Сомова. Все, кто находился в этот момент на яхте, то есть все, кроме Крюгера и Сомова, эти как обычно уплыли сразу после обеда, не сговариваясь, стянулись на корму, где восседали Юля с Ириной Яковлевной.

Из кабинета не доносилось ни звука. Спустя минут двадцать дверь отворилась, и оттуда выпала совершенно обессиленная, зареванная Елена. Взглянув на присутствующих, она зашлась еще более горькими рыданиями и в сопровождении капитана, все это время дежурившего возле кабинета, спустилась к себе. Ей на смену в кабинет вошла горничная, потом вторая, за ней по очереди оба стюарда, повар и, наконец, матросы. Замыкал череду посетителей капитан.

Сидящая на корме компания хранила недоуменное молчание, а Юлия с Эллой время от времени обменивались напряженными взглядами.

Сегодня, выйдя из полицейского участка, Юлия Ползунова столкнулась на улице с Крюгерами, которые ужасно обрадовались встрече и пригласили ее с ними отобедать. Сыщица уже проголодалась, а перспектива провести время в приятной компании показалась ей заманчивой.

За обедом, учитывая, какой вклад в расследование внесла Элла, Юля рассказала приятелям о своей беседе с инспектором и его намерении посетить яхту в шестнадцать ноль-ноль.

Супруги ужасно оживились и пообещали доставить ее на яхту на своем катере.

– Мы с Сергеем собирались понырять возле Пити Ау после обеда. Может, имеет смысл отменить поездку? – проговорил Ганс со свойственным ему приятным акцентом.

– Ни в коем случае. Отправляйтесь, – категорически велела Элла. – И не вздумай ничего говорить Сергею. Юля доверила нам секретную информацию. Не проболтайся! – строго закончила она.

По лицу Ганса пробежала тень внутренней борьбы.

– Ты думаешь, это правильно? Ведь Сергей мой друг, а Елена его жена. Может, ему стоит остаться?

– Ни в коем случае! – стукнула чашкой по столу Элла. – Все должно идти так, как будто мы ничего не знаем, иначе мы подведем Юлию. – И она улыбнулась теплой дружеской улыбкой. Элла нравилась Юле больше и больше.

Ганс нехотя согласился.

И вот теперь они с Эллой наблюдали за происходящим с сознанием собственного превосходства. Правда, недолго, так как капитан подошел к Игорю и, сообщив ему что-то на ухо, увел с собой в кабинет. Больше подружки Шульмана не видели. Следующим вызвали Веселова. И он тоже пропал. Когда позвали Татьяну, Инна предприняла отчаянную попытку проникнуть на нос яхты, где собрался весь персонал, но не тут-то было. Выйти на связь с папочкой ей тоже не удалось. Допрошенные были подвергнуты строжайшей изоляции.

Наконец, кроме Юли с Эллой на корме никого не осталось. Они сидели, пугливо озираясь и сгорая от любопытства.

– Почему тебя не вызывают? – спросила Юля у подружки почему-то шепотом.

– Я раньше всех ушла, сразу после завтрака, на глазах у всей компании, – тихонько ответила Элла.

И тут из недр яхты стали появляться ее обитатели. По одному они поднимались на палубу или выплывали из кухни. Последним появился инспектор и в напряженной тишине, галантно повернувшись к Ленке, произнес следующее:

– Госпожа Сомова, позвольте принести вам мои искренние извинения за причиненные неудобства. А также всем вам, господа. Сами понимаете, долг службы. Желаю всем приятного вечера. – Спустился по трапу, сел в полицейский катер и был таков.

На Ползунову даже не взглянул! Что происходит? Почему Ленка на свободе? Видимо, те же вопросы занимали и Эллу, потому что секунду спустя прозвучал ее чистый насмешливый голос:

– И что это было? Мне кто-нибудь объяснит?

– Полиция проверяла мое алиби! – с надрывом в голосе проговорила Елена. – И представьте себе, оно у меня есть!

– Да? И какое? – простодушно поинтересовалась Элла, поскольку остальные продолжали молчать.

– Одна горничная видела меня, когда я выходила из каюты, разговаривая по телефону. Повар выглянул из кухни, когда услышал, что кто-то поднимается по лестнице, громко смеясь, и увидел меня. Потом матрос, который мыл палубу на носу, услышав мой веселый, громкий смех, тоже захотел посмотреть, кто так веселится, и наблюдал, как я, пройдя вдоль борта, спустилась на пристань, никуда не заходя по дороге! – с видом победителя закончила Елена, громко шмыгнув красным, распухшим носом.

– Вывод! Ржать надо громче и чаще, в случае непредвиденного убийства у вас есть шанс создать себе алиби, – подытожила ее речь Элла.

Все захихикали, а Елена, резко развернувшись на каблуках, устремилась к себе в каюту, реставрировать порядком раскисший фасад.

Первым Юлиным порывом было пуститься в погоню за инспектором, но, во-первых, у нее не было катера, а во-вторых, в бунгало мечется, сгорая от нетерпения, несчастный, совершенно трезвый Василий. Любящая супруга предупредила его о предстоящем визите инспектора, и теперь он, наверное, места себе от волнения не находит. Придется идти домой.

Уходя, Юля отметила, что на обитателей яхты визит жандармов произвел странное впечатление. Едва инспектор уехал, они кинулись отмечать это событие. В смысле, что все целы, невредимы, никого не забрали. Как будто это смерть за ними приходила, а не инспектор жан-

дармерии, который ищет совершенно настоящего, нешуточного убийцу, притаившегося среди них. Бред, да и только.

Глава 13

– Ну, все. Пропал. – Вот было резюме Василия в ответ на рассказ жены.

– Да успокойся ты. Еще не конец света. – Юлия бодро похлопала мужа по спине. – Одного вычеркнули, но девять-то человек по-прежнему в списке.

– Какие девять? Игорь, Сомов, Крюгер и Макс со мной на рыбалку уплыли. Элла, ты сама сказала, раньше всех с яхты ушла. Ленка тоже отпадает. Ну и кто остается?

– Инна с Семеном, но они у себя в каюте были сильно заняты. А Татьяна с ветераном советской медицины какие-то батики расписывала.

– Что расписывала?

– Тряпки какие-то.

– Так бы по-русски и говорила. Короче, вывод один: кроме меня – некому.

– Подожди! Мы про команду забыли! Как-никак, девять человек. Давно у Шульмана эта яхта?

– Вроде бы около года.

– За год у членов команды к Ирме могло много претензий накопиться. А что если это коллективный сговор? – В Юлиной голове замелькали совершенно дикие картины, где матросы, горничные и стюарды, подняв над головами камень размером с тот, что стоит под Медным всадником, опускают его с сатанинским хохотом на голову несчастной жертвы.

– Мать, ты только не обижайся, но, по-моему, у тебя от буйства гормонов ум за разум зашел, – с жалостью глядя на жену, констатировал Василий.

– Да? А я вот что тебе скажу. Если Ирму убили и это сделал не ты, выходит, убийца все еще разгуливает по яхте. И мы его найдем. Тебя еще не арестовали. Значит, твердых доказательств у них нет. Орудие преступления не найдено. А посему хватит сидеть в номере, пора выбираться в люди. А то тебя снова к бутылке потянет, а моему будущему ребенку отец-алкаш не нужен, – решительно заявила Юлия. – И еще завтра с утра отправляемся на яхту. Но для начала надо придумать, куда ты сможешь выманить всю мужскую компанию, мне надо с командой пообщаться.

– А куда ты теток сплaviшь? – не стал спорить Василий.

– Они сами разбегутся. Это вас надо под бок толкать, а женщины народ деятельный, они сами себе занятие найдут.

Все случилось, как она и предсказывала. Инна, Семен, Ирина Яковлевна и Татьяна отправились в «Лагунариум», Юлия им вчера все уши прожужжала. Елена лечила раздёрганные нервы кокосово-цветочными ваннами в Mandara SPA. Элла отправилась с инструктором по дайвингу осматривать какие-то невероятно красивые рифы. Юлия бы на месте Крюгера одну ее с таким красавчиком никуда не отпустила. Высокий, загорелый, с кубиками на животе и ямочками на щеках... Такой тип только совершенно слепому и тупому мужу может внушить доверие. Но Ганс, немецкая простота, чмокнул жену в щеку, пожелал ей счастливого дня и с чистой совестью поехал с мужиками на ловлю какой-то редкой крупной рыбыны.

Юлия осталась на яхте одна! С командой, конечно. И что странно, никто из уехавших не поинтересовался, а чем это она собирается здесь заниматься в отсутствие хозяев. Помахали ручкой, и все. Ничто так не расслабляет и не отупляет, как отдых. Она попила чаю, перекинувшись парой слов со стюардом, заказала повару суфле и занимала его беседой, пока шел процесс приготовления. Заглянула на капитанский мостик и получила урок по управлению судном. Все это время Юлия рассыпалась в комплиментах, проявляла искреннее внимание к абсолютно не интересным ей вещам и жутко вымоталась. Но самое отвратительное – она не продвинулась в своем расследовании ни на шаг.

Хозяйка была добрая, умная, внимательная, не капризная. Это Ирма-то! Никаких конфликтов с ней ни у кого не было. Все было ясно как день. Команда заняла круговую оборону и посторонним ничего не расскажет. И когда Юля пришла к печальным выводам о провалившейся с треском операции, на борту появился представитель конкурирующей фирмы, инспектор Жан-Поль Бальзак. Едва кивнув ей, хитрец, не сбавляя шага, повернул к мостику, и через секунду на палубе вновь не было ни души. Растаял, как призрак.

Так. Значит, Юля снова оказалась права, у следствия не все так гладко, как казалось Ползунову. И если у жандармерии есть вопросы, вина ее мужа все еще не доказана, есть шансы его спасти! Интересно, по чьей душе на этот раз пожаловал инспектор.

Сняв просторный цветастый балахон, который составлял ее сегодняшний наряд, Юля осталась в одном купальнике и, скинув шлепанцы, мелкими перебежками отправилась на мостик. Там никого не было.

Где же вы, голубчики, прячетесь? Погладив свой кругленький маленький животик для стимуляции мозговой деятельности, она отправилась на нижнюю палубу, в носовую часть судна, где, как она знала, квартировала команда.

Эта часть яхты была Юле абсолютно незнакома, и прежде, чем спускаться вниз, она глубоко задумалась. «Если я просто спущусь, где гарантия, что не попаду прямо в кают-компанию или столовую для персонала? Мои ноги будут обнаружены раньше, чем я об этом узнаю». Осторожно спустившись на несколько ступенек, Юля скрючилась, присев на корточки на узкой, почти вертикальной лестнице, и прислушалась. Беседовали капитан, инспектор и еще какой-то парень. Голоса звучали еле слышно, и разобрать, кто о чем говорит, было невозможно.

Она рискнула спуститься еще на ступеньку и заглянуть вниз. Не удалось. Юля спустилась еще на ступеньку, зацепилась ногой за железную опору перил, руками схватилась за сами перила и, едва дыша от страха, свесилась головой вниз. Перед ней открылся небольшой коридор, освещенный круглыми матовыми светильниками, прикрученными к полу. В смысле к потолку. По обе стороны коридора шли одинаковые двери, вторая слева была приоткрыта, в проеме было видно сидящего на узкой кровати парня, стоящего над ним инспектора и колено капитана в белой форменной брючине.

– Когда вы его обнаружили? – задумчиво спросил инспектор, рассматривая небольшой предмет, который держал в руках.

– Утром. Я хотел найти зарядку для мобильного, она куда-то подевалась, залез в ящик рукой и в самом углу наткнулся на него, – ответил растерянный, слегка напуганный парень.

– Как вы думаете, когда он мог туда попасть?

– Понятия не имею. Я не очень слежу за порядком в этом ящике, что-то кидаю в него, что-то достаю, почти никогда полностью не перетряхиваю, – беспокойно ерзал на месте матрос, кажется, его звали Ник.

– И все-таки мне бы хотелось, чтобы вы подумали. Вы закрываете каюту, когда выходите из нее?

– Нет, конечно. А зачем?

– У нас на яхте посторонних не бывает, разве что гости хозяина, но им нечего делать в этой части судна. Если у членов команды есть какие-то ценности, они могут положить их ко мне в сейф, – вмешался в разговор капитан.

– То есть в этой части судна двери не закрываются? – уточнил инспектор.

– Нет. Только моя каюта и только потому, что там хранятся документы и находится сейф, – уточнил капитан Сомерс.

– Как часто вы заходите к себе в течение дня?

– Не знаю. Когда как.

– Я хочу, чтобы вы ответили мне на этот вопрос точнее. Вы заходите сюда раз в час, каждые полчаса, два раза в день, а остальное время несете службу? Подумайте.

– По-всякому бывает. Когда яхта стоит на якоре, как сейчас, у нас немного дел, и мы часто бываем на берегу. Кому захочется сидеть в тесной каюте в таком раю? – усмехнулся Ник инспектору.

– Вчера у вас тоже была увольнительная?

– Да. Днем, после обеда я ездил с подружкой в Ваитапе и вернулся только к восьми.

– У вас есть подружка? – дружелюбно улыбнулся инспектор.

– Познакомились недавно, – смутился молодой человек, краснея. – Она работает в отеле, в салоне красоты.

– А утром как часто вы заходили к себе?

– Заходил несколько раз. Переодеться, принять душ после мытья палубы и уборки судна, а потом перед самым обедом. И еще после обеда, перед уходом с судна.

– Значит, если кто-то хотел подкинуть вам какую-то вещь, времени у него было достаточно.

«Ах, вот в чем дело!» – осенило Юлю. На протяжении всего разговора она продолжала висеть головой вниз и, надо признаться, порядком устала. Руки вспотели и скользили по железным поручням, кровь прилила к голове и стучала в висках, малыш съехал вниз и давил на легкие своим крошечным, но уже вполне ощутимым весом. Сейчас правильнее всего было бы убраться восвояси и попробовать позже выяснить, что там подкинули этому парню. Но женское любопытство страшная сила, и Юля, рискуя свернуть шею, постаралась свеситься еще ниже и рассмотреть, что же такое вертит в руках этот противный потомок великого литератора.

Она тянулась, тянулась до тех пор, пока нога не вывернулась, утрачивая дополнительную опору, а руки не заскользили по перилам, как салазки с ледяной горы. Юля летела вниз головой с крутого высокого трапа, цепляясь потными ручонками за перила и оглашая окрестности воплями, полными ужаса.

Слава отважным морякам, покорителям глубин! Капитан, проявив нечеловеческую реакцию и смекалку, успел подхватить ее буквально в нескольких сантиметрах от пола. Отдышавшись в его смелых, сильных руках, Юля распахнула свои яркие зеленые глаза и одарила рыцаря сияющим благодарным взглядом. И тут же наткнулась на холодный вопрошающий взгляд не менее прекрасных голубых глаз капитана Сомерса.

– Вам лучше, сударыня? – спросил он ее чистым, четким голосом.

Юля кивнула.

– Позвольте тогда узнать, что вы здесь делали, вниз головой вися на трапе? – Мадам Ползунова растерянно взглянула сперва на матроса, выглядевшего не менее растерянно, чем она, а затем на инспектора. И ей почему-то показалось, что он едва сдерживает смех со спокойным, слегка напряженным выражением лица.

Они что, издеваются?

В таком случае лучшая защита – это нападение. Огорошим их, выйдем из седла неожиданным, нестандартным ходом. Юля вывернулась из крепких объятий капитана и, нагло глядя в глаза инспектора, сказала:

– Хотела взглянуть, что за вещица обнаружилась в ящике у этого славного юноши. – И пока все трое хлопали глазами, переваривая приступ ее откровенности, выхватила из ладони инспектора перстень, который он все это время продолжал держать в вытянутой перед собой руке.

– О! Да это же Ирмин! Я сто раз видела это кольцо у нее на пальце. Но когда она всплыла у нашего бунгало, его на ней не было. – Юля задумалась. – Точно. Был перстень с огромным рубином необычной формы. Кто-то из сотрудников отеля еще восхитился размером камня, – трещала она, не переставая рассматривать кольцо из белого золота с большим квадратным бриллиантом.

На лицах стоящих рядом мужчин замерло насмешливо-восхищенное выражение. Точнее, лишь у капитана с инспектором. Ник по-прежнему был встревожен, растерян и слегка напуган.

Капитан взглянул на матроса и мягким, спокойным голосом проговорил:

– Иди, Ник, работай. Дальше мы с инспектором разберемся, как это могло произойти.

Ник кивнул, но как-то замялся и, запинаясь, проговорил:

– Я его не брал, честное слово. Я не знаю, кто это сделал.

– Я знаю, – успокоил его инспектор Бальзак, и парень отбыл на трудовую вахту. – Скучаем? – обратился ко мне инспектор. – Отель плохо заботится о досуге своих постояльцев? – насмешливым тоном продолжил он.

– Вовсе нет, – тоном оскорбленного достоинства отбрила нахала достойная супруга олигарха. – Так, поинтересовалась по-дружески, как следствие идет.

– Я вижу, вы не доверяете нашему профессионализму, – поджал губы инспектор, состроив обиженную гримасу.

– С чего вы взяли?

– А откуда тогда это рвение?

– Ну... – Юля встала перед дилеммой: сказать правду или соврать? И склонилась ко второму варианту. Василий пока на свободе, а выскажи она вслух свои опасения, неизвестно, как они их воспримут, может, решат, что она уверена в его виновности и просто хочет запутать следствие. – Просто хотелось помочь следствию, – закончила Юля свою мысль.

– В таком случае не знаете ли вы, кто подкинул это колечко в каюту члена команды? – спросил инспектор, сверля ее глазами.

– Откуда мне знать? Кто угодно мог это сделать! Вам же капитан сказал, каюты тут не закрываются. Вот мы с вами сейчас здесь беседуем, а за этой переборкой какая-нибудь личность в чужих вещах шарит.

– Ну, в данный момент на яхте, кроме команды, никого нет. А они по моей просьбе собрались на кухне, – улыбнулся инспектор.

– Тем более. Кто-нибудь мог вернуться и незаметно проникнуть в чужую каюту, а затем так же незаметно уйти, – хмыкнула Юля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.